

Колтёр

Журнал
Веселых
и любознательных

№9
сентябрь
1998

В этом номере:

Азбука интересных слов

"Мифы звездного неба"

Веселый звонок

Школьная повесть

Конкурс юных детективов

Загадочный снимок

«Сядешь —
и просто нажимаешь
на педаль!»

Дневник. Осень 1 сентября

Мой дневник за лето совсем обтрепался. Это оттого, наверное, что я засовывала его под диван, когда уходила гулять и в магазин.

Мой возраст — мечтательно-печальный...

Я поняла, что никогда не буду счастлива. Счастливы только глупые люди. Потеря друзей — гибель души.

*Я из тех, кто вдруг уходят,
а зачем, не знают сами.
Я из тех, кто грустно бродят
с припухшими от слез глазами.*

Ничего не имею против родителей, но скорее умру, чем они прочитают дневник. Мне купили новое платье и кожаный рюкзачок, но ничто земное меня уже не радует. Зачем мне все это в новой школе? На пепелище! Меня перевели туда против моей воли! Танька Иванова, например, осталась в старой, а она живет на целых две минуты дальше меня (я проверяла), и Люська-дылда-”модель” тоже в старой... Там — все! Там — Дима Накончин!!!

Мы с ним за одной партой пять лет с первого класса, и вообще... Судьба моя — копейка. Вечером я позорно рыдала. Родители утешают меня хором, папа даже пошел к директору. Я все слышала: я нарочно каталась под окнами на велосипеде, а там — первый этаж. Папа привел аргумент, что в старую школу мне ходить намного ближе, не надо переходить через дорогу, а то я стихи сочиняю на ходу, вне правил уличного движения. Вот глупости, они все считают меня ребенком. Выходит, будто я их обманула, но не рассказывать же было про Диму Накончина?! Хотя и так ничего не вышло. Директриса с грустью изрекла, что я — случай спорный, живу на границе микрорайонов, и что неэтично получится, если всех отличников оставить себе. Интересная логика, а если б я была второгодницей? Неужели бы оставили — ха-ха! Плохой сегодня день. Черный понедельник “на моей бирже”. Из нашего класса перешло всего десять, остальные из параллельных, еще Серафима Владимировна, литераторша. Теперь она у нас классный руководитель. Серафима добрая, но некоторых вещей просто не понимает. Опозорила меня перед всем классом. Целый урок причитала: “Бедная Сашенька, как расстраивается. Теперь ей так далеко ходить в школу”.

Как будто я какая-нибудь пятиклассница! И все потешались. Потому что мое унылое лицо выдавало меня с потрохами. Но дальше было еще хуже. На черчении черченичка (она даже не сообщила, как ее зовут, объяснив тем, что она, дескать, временная — заменяет, пока болеет настоящая. Странно, как будто у “временных” имен нет!) велела назвать каждому чертежные принадлежности, которых для урока не хватает. А я в учебнике вычитала, что к карандашам полагаются наконечники. И когда очередь дошла до меня, вымолвила, что все есть, только вот наконечников не хватает. Черченичка вообще не знала, что это такое — наконечники, начала листать учебник, а мне

Николай РАЧКОВ

ОСЕНЬ

*Любви возвышенной истоки
леса и пажити хранят.*

*Незримо Пушкинские строки
вплелись в осенний листопад.*

*И среди чуткого молчанья
в купели золотого сна
душа полна очарованья
и светлых дум она полна.*

*Родной поэзии свобода
объяла так и даль, и высь,
что где тут Пушкин, где природа,
пойди попробуй разберись...*

Рис. Ш. Ворошилова

Сотворение мира

П о в е с т ь *

заявила, что нечего выпендриваться. В классе все просто падали от хохота. Гущина мне потом сказала, что я ненормальная. Что у Димки было прозвище “наконечник” (от фамилии!) и что все поняли. Я и забыла про это прозвище. Я-то звала Диму по имени, не по кличке. Вот и попала, как кур в ощи́п. Ну и пусть. Одно мне горе в этой школе. Только и радости, что выросла за лето на семь сантиметров: Гущина в прошлом году все сокрушалась, что ей неудобно со мной ходить, раз я такого маленького роста. Теперь мы, наверное, не раздружим. И не буду я на физкультуре стоять в конце, рядом с мальчишками, а то целый год мучалась: веселая была картинка — бок о бок я и великан Генка Метлищев! Прямо как герои Свифта.

Пойду за маслом, надо скорей — мама жарит капусту. Теперь в моей жизни осталась только общественная работа, учеба, помощь по дому и ходить в библиотеку!

5 сентября.

Заявилась Гущина. Пошли с ней гулять в лес. Гущина сплетничала обо всех новеньких мальчишках, которые теперь с нами учатся, тараторила без умолку, а какое мне до них дело! (У меня в душе были воспоминания о Диме Накончине.)

В третьем классе мы выпустили газету “Смехопанорама”. Все девчонки сочиняли стихи, все критиковали Накончина. Во-первых, я думаю, от любви, а во-вторых, оттого, что Раиса Кондратьевна постоянно ругала его за клоунские поступки. Света Семафорова написала точь-в-точь такими словами, как выражалась Раиса Кондратьевна: “Наконечник веселится. Скоро может прослезиться”. И дальше совсем уж глупо: “Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела”. А у меня было так:

*Дима, ты — как Ванька-Встанька,
Не унять тебя никак,
Как болтайка-улыбайка,
Или — как Иван-дурак!*

(Тоже, конечно, слабовато, но все-таки третий класс.) Накончин прочитал всю газету и сделал вывод: “У Румянцевой стихи настоящие, только у нее. А вы дуры, а никакие не смехопанорамишки. Особенно ты, Семафорова”. Семафорова завопила и бросилась в него мелом, а он в нее шваброй. Потом Накончина, как хулигана, посадили ко мне для перевоспитания. До этого его сажали со всеми девчонками в классе, но девчонки начинали с ним болтать. А тут учителя не могли нарадоваться: “Совсем не разговаривает, смотрит в книгу”. Мне даже было обидно. Я еще тогда не догадывалась, что он смотрит в книгу, а видит фигу. Потому что он все время потихоньку глядел на меня. Прикрывался рукой, как на солнце смотрят, и не сводил глаз. Чистая правда.

А в конце года в школе ставили “Кошкин дом”. Мы

с Семафоровой играли котят, а он — Кота Василия. Кот Василий Семафорову лупил метлой, а за мной только гонялся. Я все думала: почему? Глупая была. Отчего так происходит, начнешь все про жизнь понимать, да уж поздно?

Так мы гуляли с Гущиной, я молчала, а она даже не догадывалась, что у меня в голове. И хорошо.

10 сентября.

Ну, пришла пора описать наш класс. Без этого, наверное, не обойтись. Помимо старичков-переведенных есть и новенькие. Например, две примадонны — Ганна Волова и Надя Пожарская — очень красивые, с копнами волос — такие не то что заплетать — стричь можно! Не то что мои три волосины. Ну вот, Надя брюнетка, а Ганна блондинка. Как две карточные дамы “пик” и “червей”. Все переменки они ходят под ручку и шепчутся. Или — вызывающе смеются. Естественно, мальчишки из девятого класса на них уже поглядывают и посылают записки.

Есть еще одна девчонка, Инка Пескарик. Она очень взрослая. Когда разговаривает с тобой, смотрит как-то сбоку, слегка улыбается — вполулыбки, с иронией, и пожимает плечами. В школу она ходит в элегантных сарафанчиках. Как будто от Диора. Только без всяких там воланчиков, крылышек.

На первую парту Серафима посадила Валеру Васипова. У Васипова широкие рассеянные шаги, будто он шагает в пропасть. Малоразговорчивый и близорукий. Серафима сообщила, что он замечательно декламирует (посмотрим!), она еще что-то хотела добавить, но раздумала и как-то испуганно закрыла рот. И еще новенький — Андрюша Туполев. Сразу можно определить, что он пойдет в науку. Все задачи слету решает. Лицо у Туполева большое, сердитое и насмешливое. А когда пишет на доске, мел у него крошится, такой острый почерк.

Ну, а меня Серафима вздумала посадить с Олегом Слоновым. Разумеется, двоечник. Похож на второгодника, хотя на второй год пока не оставался. Учителя говорят, что он потенциальный второгодник. Слонов огромный, как слон, особенно по сравнению со мной. Местные остряки уже пустили шуточку: “Слон и Моська”.

Как только Слонов приходит в школу и садится за парту, он произносит: “Здравствуй, Моська!”

Как вам это понравится! Но я почему-то не обижаюсь. Слонов не дерется, хотя мог бы, и не списывает сам, пока я не разрешу — это подкупает.

Слонов — смешной. В карманах у него чего только нет — резинки, вкладыши, железки всякие. Как у первоклассника. Каждый урок Слонов все это раскладывает на парте, а когда его вызывают, ни за что не встанет, пока все не соберет. Учителя нервничают. Они думают: он их нарочно злит, а мне кажется, не нарочно.

* Журнальный вариант.

Руку он никогда не поднимает. А вчера на русском Серафима повторяла суффиксы “сч” и “щ” и велела придумать слова с этими суффиксами. И вдруг Слонов поднял руку! Серафима взволнованно говорит: “Ну, ну, Слонов, какое у тебя слово?” И он сказал: “Пример “сч” - прысчик”.

Все заржали, как самые настоящие недрессированные лошади. Серафима покраснела. А мне стало жалко Слонова. Мне его вообще жалко. Говорят, что у него нет мамы... Бедный...

13 сентября.

Вот это — номер! Черченичка оказалась математикой. Сегодня первым уроком должна быть алгебра (первый раз в этом году), черченичка входит и произносит: “Я — ваш новый педагог. Теперь могу представиться по всей форме — Элла Максимовна. На черчении я к вам только приглядывалась”.

Что еще за игры? Мы же не дети. А Эллочка начала рассказывать по классу и громко сообщать, что она любит и чего не любит.

Любит она веселых, красивых и сообразительных. “Метлищев — красотуля — отворотятся не налюбуйешься”. “У Румянцевой — унылый нос”. (Безобразие, конечно, слышать такие реплики от педагога.) “А писать мы теперь будем в толстых общих тетрадях учиться творчески”. Творчество выразилось в том, что мы самостоятельно стали решать задачи, которые Элла Максимовна сочинила от большого вдохновения. У меня и у Алевтины (она сидит за мной) был один вариант. В ответе получалась какая-то чушь. Отрицательные дроби в кубе яблок. Мы никак не могли понять, в чем дело, промучались до звонка и сдали полупустые листочки. Страшно расстроились (слава Богу, по математике мы с Алевтиной в первых рядах). У меня, правда, было одно соображение, но я не стала высказывать его вслух. Мы с Алевтиной пошли в учительскую выяснить у Элочки, в чем там собака зарыта.

Эллочка страшно развеселилась. “Вы — просто дурочки, — процедила она с презрением. — Следовало написать: “Задача не имеет решения”. Я специально вас проверяла. А остальные-то как, интересно? — “Не знаем”, — буркнули мы. Не будем же мы сообщать ей, что остальные (их было всего трое, к сожалению, среди них оказалась и Гущина), столкнувшись с непонятной задачей, потихоньку поменяли варианты. А Туполев взял и подарил Ганне свой листок. (Ганна сориентировалась в первый же день — села с Туполевым за одну парту.) “Остальные нашли решение, — съехидничала Эллочка. — И молодцы. Сейчас все так

живут. А вам, отличницы, за несообразительность ставлю по троечке”.

Голову даю на отсечение, что она просто напутала в условиях. Выходит, надо было схитрить, что ли? А если мы не собираемся становиться “бизнесменами”? Мы стояли, как оплеванные.

15 сентября.

Ну, люди добрые, — конец света. Нас учат танцам! Отныне у нас по четвергам новый предмет — ритмика. Ведет его Иван Демьянович Рулев. Он похож на майского жука и на оловянного солдатика сразу.

На первом занятии он провозгласил:

— Первое. Танцевать должен уметь каждый. Второе. Научиться могут все. В цирке даже медведей учат. Поэтому сразу показываю: вальс-квадрат. Раз, два, три, поворачиваемся. Носки делают четкий угол. — Иван Демьянович оглянулся на нас, поднял брови, — четыре, — и опять встал к нам спиной. Все тарачили на него глаза. Метлищев давился смехом и страшно гримасничал. В этот момент Иван Демьянович опять обернулся, посмотрел на Метлищева, побагровел и громко, отрывисто командовал:

— Оставить помещение!

Метлищев вначале не понял, а потом хихикнул и, пожмая плечами, побрел к двери.

— Вот так, — удовлетворенно произнес Иван Демьянович и приказал нам делать шаги вальса-квадрата.

Я с ужасом ждала этого момента. Конечно, у меня получалось хуже всех, потому что с самого детства мама внушала мне, что у меня абсолютно нет слуха и что, к несчастью, я, наверное, никогда не научусь танцевать. Мои-то мама с папой познакомились на танцах (это странно, все-таки интеллигентные люди).

Иван Демьянович уставил на меня немигающий взор — чем больше смотрел, тем деревянее я двигалась, а потом крупными решительными шагами направился ко мне.

“Как фамилия?” — спросил он.

И тут совершилось великое предательство. Гущина фыркнула и пропищала на весь зал: “Румянцева!” Ничего себе — подруга!

— Выйди, Румянцева, на середину, — распорядился этот учитель танцев. — Буду тебя учить индивидуально.

Я, вся красная, вышла. На глаза навернулись слезы, коленки стукнулись одна о другую.

Меня спас звонок.

Всю перемену я проревела в учительском туалете — он, единственный в школе, запирается. Туда все время кто-то хотел, но я не открывала дверь. У меня

не жизнь, а греческая трагедия какая-то. Но Гущина-то, Гущина — какая свинья!

Хорошо, что на истории не вызвали. Тамара Кирилловна только посмотрела на меня, и тут, надо же, Слонов поднял руку. Учительница тяжело вздохнула, должно быть побоялась его спрашивать, и заговорила опять про средние века — о муках инквизиции. Очень даже к месту.

Дома папа с мамой сообразили, что я — не в своей тарелке, и начали деликатно ко мне приставать. Вот уж чего не терплю — так это разговора “с подходами”! Сжав зубы, я выдавила только, что у нас — новый предмет и новый учитель. Папа удивился до потери сознания.

— Рулев? Иван Демьянович? — переспросил он. И объяснил, что так звали полковника в их военно-морском училище. Тот Рулев вел сопромат. Сейчас он должен быть на пенсии.

25 сентября.

Прочла сейчас то, что написала раньше, и так меня потянуло в старую школу! Дима, Дима, как плохо мне без тебя жить! Мама будто чувствует это сквозь стенку в кухне и начинает петь: “Вроде зебры жизнь, вроде зебры”.

Мама хорошо поет, не то что я. Она намекает, что когда все плохо, значит полоса такая. У меня не в пример многим — на редкость сознательные родители. А если эта полоса будет длиться целый год? Или два года? Или до смерти?

Мне даже стихов писать не хочется. Кто теперь признает, что они — настоящие?! Серафима говорит, что я плохо придумываю риторические вопросы. Вот вам, пожалуйста, риторический вопрос.

Китайская мудрость гласит: “Человек рожден для радости. Если радость кончается — ищи, в чем ты ошибся”. Я сижу сейчас на диване и ищу, в чем я ошиблась. Во-первых, я ошиблась в Гущиной. Она мне не подруга, а киллер. Это уже ясно. Во-вторых, ой, я знаю в чем я не ошиблась.

В Слонове — он и правда добрый. Еще, конечно, в Диме. В Диме — навсегда. Еще — в историчке и в физичке. Историчка, Тамара Кирилловна, во время объяснения новой темы может встать на своем стуле на одно колено — в запале. А когда идет дождь (я много раз замечала) она смотрит в окно с лицом Офелии, мечтательно улыбаясь. Понятно, что она живет эмоциями.

А физичка немножко окает. И смущается. Хорошо, когда человек смущается. Значит, в нем жива совесть. Вот Эллочка никогда не дрогнет. Даже если обидит человека ни за что. Ну вот, опять я про Эллочку. Напишу лучше о физичке. Ее зовут очень забавно — Майя Филимоновна. Тут я должна рассказать о Туполеве. В нем я тоже ошиблась. Я думала, он — настоящий мальчишка, а он циник. Он все время задает Майе Филимоновне предательские вопросы. Например, что такое — синхрофазотрон? Или — видела ли она летающие тарелки? А она сбивается с мысли — все-таки она пока очень молодая и неопытная. А Метлищев (я случайно слышала) сказал о ней: “Ножки, как у кошки — оторвать и выбросить”. Вот обормот.

А завтра к нам придет зубной врач.

26 сентября.

Вот как все было. Вдруг выплыла Серафима и объявила: “Внимание! К нам приехал стоматолог. Вы — взрослые — никто не боится. Кто кому уступает — мальчишки или девочки?”

Таким образом она заставила мальчишек пойти первыми. Почти у всего класса зубы были крепкие (целые). За исключением Алевтины: ей пришлось поставить 13 пломб. Следующей вызвали меня. Но со мной зубной врач что-то не спешила. Она долго брнчала инструментами, грела их, кипятила, а потом вдруг ласково промурлыкала: “Теперь отдохни, солнышко. Потом продолжим”.

В душу мою закралось подозрение. Тем более, девчонки косились и перешептывались. Было видно, что они меня жалеют. С ужасным предчувствием я села в кресло и вдруг услышала за дверью: “Ты чего, Слон, приперся? Тебе же сказали: не надо зубы лечить!”

Значит, Слонов за меня волнуется! Как это приятно, когда переживаешь трудности не одна. Меня охватил восторг. И даже показалось, что зуб вырвали под общим наркозом.

4 октября.

Сегодня был убийственный разговор с девицами. После уроков мы не пошли домой, а закрылись в классе на швабру. Я не могла не остаться, потому что получила официальное приглашение. На нем было нарисовано сердце, пронзенное стрелой, а под стрелой: “Совершенно лично. Тет-а-тет!” Тоже мне, французы! Дичь какая-то. Придумала все это наверняка Инка Пескарик. Во всяком случае, она корчила из себя хозяйку салона. Они собрались, якобы, для того, чтобы составить психологический тест. На самом деле, весь разговор свелся к выбалтыванию тайн. Вопросы для теста предлагали самые примитивные. Почти все на тему: кто тебе нравится, а кто не нравится, и почему.

Сначала я думала, меня позвали для того, чтобы я тоже что-нибудь выболтала. А потом поняла, что их интересует другое. Гущина, как бы между прочим, бросила кость: “А у Наконечника сотрясение мозга. Семафорова сказала. Я вчера ее в сауне видела”. И впила в меня взглядом, как вампир. Надеялась подглядеть мою реакцию. Но меня на эту удочку не поймать. Я сидела с невозмутимым видом. Гущина как-то давно, еще когда мы дружили, заметила, что во мне избыток железа. Может, и правда. Я ведь очень внешне сдержанная. Наверное, это от антоновки. С младенчества жую. Говорят, ее и Пушкин любил. Словом, я изображала из себя кариатиду. Инка переглянулась с Гущиной и спросила, лицемерно прищуривая глазки, светским тоном: “Неужели, Саша, тебе так безразлична судьба твоего товарища? Вы же когда-то учились в одном классе...”

Тогда я выдала: “А при чем здесь Накончин? А для теста я предлагаю такие вопросы: “Чем вы занимаетесь в свободное время?” “Каково ваше “ай кью”?” * Впрочем, извините, тороплюсь — меня ждут в кафе.

Кафе, конечно, блеф. Так, для достоинства.

* ай кью - англ. - коэффициент интеллектуальности

Надо же было делать ход конем!

Следом за мной увязалась Ганна. Вошли в раздевалку, и вдруг я вспомнила, что забыла на парте зонтик. Когда возвращалась, услышала, как Гуцина ляпнула:

— Умница нашла себе новую отраду.

Интересно, какую? Вот змея! Они начали хихикать. Я плюнула на зонтик и вернулась в раздевалку. Настроение сделалось мрачное. А тут еще эта Ганна! Стала канючить, чтоб я ей помогла по математике. Вся жизнь у нее, дескать, от этого зависит. Я опешила. А оказывается, вот что: “Если я схвачу тройку по математике, — объяснила эта дурища, — папа откажет мне в прикиде. И у меня не будет “шуз”*. А через два месяца Новый год. В школе будет “па-а-ти”**”.

Вот вам, бабушка, и Юрьев день. Ну, положим, Новый год не через два месяца, а через три, но ведь Ганна плохо считает. В душе у меня родилась снисходительность к Воловой, как к ребенку. Я почувствовала себя всемогущей женщиной, от которой зависит чужая судьба.

Конечно, я согласилась. Надо же быть великодушной.

Тот же день, вечер.

Бедный Димка. Сердце мое рвется на части. Откуда он, интересно, свалился? Мне и жалко его и в то же время приятно. У меня ведь тоже было сотрясение мозга. Наши судьбы похожи.

*10 октября.
Утром, еще до школы*

Совсем забыла написать о том, что я опять выпускаю газету. Вот что значит — инерция мышления! Привыкли, что я всегда это делаю! Еще избрали Туполева. Ребятам кажется — он остроумный. Ну уж, не знаю. Для чего-то предложили Васипова. Вот тоже — странный человек... А как Эллочка над ним издевается! И над Слоновым. Но Слонов на нее плюет. А на Васипове лица нет. Вчера, например, она заявила: “Васипов, пусть теперь твои тетради проверяют твои друзья. Я из-за такого пакостного почерка слепнуть не желаю. Я себя люблю”.

И тут кто-то пискнул: “А у него нет друзей”.

Васипов побледнел. А Эллочка его добила: “Потому и нет, что ты — Васипов — нелепый человек. У всех, кто нормальный, приятелей в избытке. А тебе я ставлю кол”.

Но почему, скажите, люди должны быть одинаковыми? Некоторые, может, и нормальные, а все равно одинокие. Не у всех же, как у Гуциной, знакомые в каждой сауне. Гуцина — активист от рождения. Ее назначили культурным менеджером. Что ж, правильно. Она любит вращаться на тусовках.

Васипова ввели в редколлегию за его необычные сочинения. Серафима посоветовала.

Любопытно, кто теперь в старой школе выпускает газету?

10 октября. Вечером.

Думаю, во всем виновата Эллочка. Накапала, наверное, Серафиме на Слонова. Он ведь почти каждый

* шуз - англ. - обувь

** па-а-ти - англ. - вечер

день получает колы по математике. Слонов дико небособранный. Никаких домашних заданий здесь, конечно, и в помине нет. Зато, если уж вникает на уроке, знания в него просто врубаются. Как в дерево. Все дело в том, что Эллочку он не слушает. “Я ее не воспринимаю”, — признался он мне.

Ха! Представляю, как это выводит ее из себя.

Так вот, Серафима подозвала меня и говорит: “Нужно подхлестнуть Слонова! Разве возможно — в такой короткий срок нахватать столько единиц! Ты, как редактор, должна принять меры”.

А что я, спрашивается, должна делать? Как-то это нечестно — быть за Эллочку и — против Слонова. Размышляла целый день, а потом подошла к Слонову и предложила: “Серафима велела на тебя заметку написать. Давай, чтоб не обидно было, напишем вместе!”

Сначала он был поражен, сказал даже, что я сбрендила. А потом согласился.

Но уроки закончились, а девицы как назло не расходятся. Вертятся в классе. Мы терпели, терпели, а потом Слонов их выгнал. Причина была — мы дежурные, надо же убирать. Девицы покраснели, стали перешептываться. И все оглядывались на ходу. Вот пустышки!

А нам так хорошо было. Мы про все поговорили. Оказывается, Слонов хочет быть летчиком. Он открыл мне свою тайну, сказал, что уже готовится физически — занимается боксом. А потом я начала вслух сочинять заметку, а он — класс подметать. Он сам предложил: “Ты сочиняй, сочиняй, я все уберу”.

Я из всей уборки только доску вытерла.

В самом конце заявила завуч. Сначала она похвалила: “Молодцы, класс хорошо убрали. На пятерку. Это ты, Румянцева, наверняка убирала?”

А потом увидела доску: “Нет, пятерку ставить нельзя. Что же, Слонов, доску-то плочку вытер?”

Когда у меня прорезался дар речи, она уже ушла. Вот как люди могут ошибаться!

20 октября.

Ни с того ни с сего Алевтина предложила мне дружбу. Я с радостью согласилась. Алевтине я симпатизирую. Она — загадочная личность. Молчаливая. Приехала из другого города. У нее толстые косы, умные скрытые глаза за металлическими очками. И фигура, как у Маши Распутиной. Сразу видно, в душе у нее уже отбушевала буря любви. Алевтина хотела сесть со мной за одну парту, но я не согласилась. Боюсь, Слонов обидится.

После уроков нас повели в Анатомический музей. Сначала мы глазели на зародышей разных зверей в банках, а потом сели смотреть жуткие фильмы про оперированных собак. Собакам в опытах все время отрезали то одну лапу, то другую. Я не выдержала и вышла. Надька Пожарская бросила мне вслед камень: “Не вынесла душа поэта...”

Алевтина вышла со мной за компанию. Мы с ней как-то сразу породнились. Алевтина молчит-молчит, а все про всех знает. У Васипова мать пьет — оттого он такой и нервный. А Ганна на самом деле никакая не Ганна, а обычная Аня. В классном журнале написано: “Волова Анна”. Это она для имиджа выдумала.

Ну и ну! Мне бы такое в голову не пришло. Но откуда украинский “акцент”? Почему — Ганна? Не могу представить себе Волову — читающую Гоголя.

Алевтина угрызается, что она большого роста. А я — что маленького. Все-таки мир противоречив! Каждый человек — загадка. “Я как верста коломенская”, — вздохнула Алевтина.

А все потому, что она занималась плаванием. Правда, недолго. Мама увидела, что дочка растет, как на дрожжах, и забрала ее оттуда.

Сказать по чести, у Алевтины — прекрасная фигура. Не то что у меня — вообще никакой!

А Иван-то Демьянович уволился. Никто не знает, почему. А я догадываюсь. Профессия должна быть в жизни одна. Как и любовь.

*Дневник.
Новый год. 15 января.*

Как давно я не открывала свой дневник. Столько событий произошло — у меня просто не хватило силы воли — ночью их записывать. А дни уходили на то, чтобы во всем разобраться. Вот я и думала. Ничего не писала и почти ни с кем не разговаривала. Даже с Алевтиной. Когда долго молчишь, забываешь, какой у тебя голос. Я не знаю сейчас, какая я. То ли стеснительная, как раньше, то ли во мне чрезмерно (по словам Алевтины) развилось критическое направление мозгов. Иногда всех жалко, а иногда всех презираю. Вот, например, Туполев. Подошел и говорит: “Дай списать физику”.

Я ему ответила: “Настоящие мужчины никогда не списывают физику. Но, впрочем, мне не жалко”.

А он меня возненавидел. Ганна, та совсем ничего не понимает в физике, а он с ней ходит в кафе. Я видела их однажды — она шелестит легкой походкой и смотрит по сторонам. А он смотрит на нее и краснеет.

Жизнь меня бьет. Я никогда не забуду этот Новый год. Всю осень занималась с Ганной. Тянула ее, как репку. Мне хотелось, чтобы она поняла: наука гораздо заманчивее прикида. Ганна кивала, кивала головой и вдруг произвела следующий вывод: “Ты не расстраивайся. Я поговорю с Туполевым, чтобы он с тобой, когда будет вечер, тоже потанцевал”.

Что за чудовищная логика! И потом — я же не умею танцевать. Даже основу основ — вальс-квадрат.

Ганна получила четверку и туфли. Ко мне она больше не подошла ни на вечер, ни после! Я понимаю, в счастье человек эгоистичен, но было очень противно.

Мне купили обновку — розовое платье. Теперь-то я вижу, что оно — свиного цвета. А тогда мне понравилось. На вечере мы с Алевтиной постояли, постояли у стенки и ретировались. Она мне посоветовала на-

гряться в старую школу. Я долго раздумывала, но все же решила.

Школа мне показалась маленькой и темной. Но это — пусть. Я же всегда помнила, что там нет актового зала. Главное — увидела девчонок, бросилась к ним, как сумасшедшая. А Танька Иванова возьми и плюнь мне в лицо: “Что же это ты, Саня, надела такое детское платье? Ты и так выглядишь моложе своих лет!”

А Семафорова добавила: “Особенно по сравнению с твоим новым соседом по парте. Теперь он твой “бой-френд”?”

И все залились поросычьим визгом. В этот момент я увидела Накончина. У него было ЧУЖОЕ ЛИЦО. Он не подошел ко мне, не поздоровался. ОН ТОЖЕ СМЕЯЛСЯ. Вот тут я и почувствовала, как Земля уходит у меня из-под ног и как — просто на глазах — платье, которое так нравилось маме, становится коротким. Наверное, в этот миг я росла...

Вы понимаете, ни одна душа не поинтересовалась, как я закончила полугодие, как я вообще живу. Правда, на вечере были не все. Но на что мне все!

Однажды я прочитала где-то: “Печаль была так велика, что в сердце не нашлось места для слез”. В моем сердце в тот день не было места слезам. Есть такая песня: “Тронулся поезд и — рухнул мост”. Рухнул мой мост...

А на следующий день я узнала, что из дома убежал Васипов. Когда Серафима нам про это объявила, она заплакала. Оказывается, у Васипова была невыносимая жизнь. Иногда мать пропивала совсем все. Тогда он ходил, собирал по канавам бутылки и сдавал их. Это со зрением-то минус шесть!

А в школе! От возмущения я вся дрожала. Я рассказала Серафиме, как доводила его Эллочка. А Серафима грустно спросила:

— А ты подошла хоть раз к Валере, поговорила с ним?

Не подошла и не поговорила. И я поняла, какой никчем-

ной и серой жизнью я жила. Как червяк. Я думала только о себе. Я — тоже эгоистка. Почтище Ганны. Только она — на почве счастья, а я — краха.

На следующий день мы все собрались в школе. Весь класс явился, хотя были каникулы. Мы пытались разработать план поисков. Гущина все время сутелась, Алевтина сидела молча и думала. Туполев тоже соображал чего-то, а потом брякнул: “Может, надо обойти морги?”

Слонов дал ему по шее. Волова заплакала. Пожарская закричала. А Слонов двинулся к двери и бросил на ходу: “Просто станем обходить вокзалы. Может, он спит под скамейкой?”

Я рванулась за Слоновым, за мной Алевтина и Гущина. Мы обошли все вокзалы, но под ска-

* бой-френд - англ. - другок

мейками не было никого, кроме бомжей.

В первый день занятий Васинова привели. Но, к несчастью, на алгебру. Васинов стоял какой-то сгорбленный, с жалким рюкзачком. А Эллочка начала:

— Говорят, Васинов, ты от моих колдов убежать решил? Так от них не убежишь. Работать над собой надо. Кто не работает, тот не ест. Что бы ты ел, интересно, в деревне?

Он в деревню хотел убежать. В заброшенную.

Мы все замерли. А Васинов сказал чуть слышно: “Рыбалкой бы кормился”.

Эллочка фыркнула: “Лучше бы ко мне заглянул перед дальней дорогой. Я бы тебе яблоко дала. Или апельсин. А лучше — гречу”.

И тут я сорвалась с места: “Вы не смеете, не смеете его унижать!”

И Гущина со мной вместе: “Не смеете!”

И Туполев. И Слонов.

Это был настоящий бунт.

Мы знаем: в школе потом гремел педсовет. И Майя Филимоновна крикнула Эллочке в лицо: “Вы — не педагог. Вы — гастро-лерша!”

Казалось, все должно было измениться. Но Эллочка никуда не делась.

(Я знаю отчего.)

“Педагога уволить в середине года можно только в архикриминальном случае, — разъяснила мама. — Иначе он может засудить школу”.

Такая, как Эллочка, кого угодно засудит, это правда!

Васинова устроили в интернат.

Газету я выпускала теперь в одиночестве. Но что поделаешь, видно, это мой удел. В старую школу меня больше не тянуло. Она отпала от меня, как изношенная шкурка ящерицы. И стихи у меня больше не сочинялись. Засохли на корню.

Зима выдалась длинной и дождливой. Алевтина все время выращивала у себя на кухне помидоры. Мне нравится запах их зеленых стеблей. Они пахнут горько, как мимоза. Это аромат Несбывшегося.

Зима. Жизнь без дневника.

Майя Филимоновна говорит, материка движутся вследствие теории литосферных плит, другими словами, мобилизма. Если исходить из этой теории, Европа может уплыть в Африку. Не за один день, конечно, но все равно ничего хорошего. Гигантские плиты горы подныривают одна под другую и поглощаются мантией Земли. Саша даже поехала: “бр-р”, американский триллер какой-то. Она попыталась представить себе эту мантию — на 70 километров внутрь земной коры, рядом с раскаленным ядром...

Мальчишки, те хором загудели, оживились — они любят триллеры. А Саше отчего-то Васинов предста-

вился: что он там делает один, в своем интернате? Другая у него теперь жизнь, отдельная от них. Хотя, если разобраться, он всегда был на отшибе от общества. Поглотила его судьба, как мантия Земли малую песчинку. Румянцева вздохнула. Тяжко, на весь класс. Корова так вздыхают на лугу, в душный полдень. Священные животные, между прочим. Правда, не на нашем лугу, а в Древней Индии. Но все равно.

С Румянцевой всегда так. К теориям нормальные люди подходят с точки зрения ума. Холодного запоминания. А она, Румянцева Саша, с точки зрения чувства. “С точки зрения чувства сейчас даже замуж никто

не выходит, дурашка, иначе не будет о’кей!” — поведала Саше на днях Инка Пескарик.

Инка Сашу, наверное, жалеет, поэтому иногда учит. У Инки-то как раз все о’кей! И с головой, и с внешностью, и с денежными средствами. Только красота ее чересчур четкая, словно на компьютере выверенная, ничего лишнего. Как у змеи. И говорит она всегда вращаясь, шепотом, точно шуршит словами.

Но Васинов, видно, недаром Саше привиделся в ее мрачных мыслях.

После физики появилась Серафима, их классная, и сияя, внесла предложение: “Кто хочет навестить Валеру Васинова? Школа дает автобус, и мы съездим в его интернат, с концертом. Путь неблизкий, интернат на дальней окраине, почти за городом. Но кто согласен, от уроков

освободим. Желающие, поднимите руки!”

Ну, что за вопрос? Факт, все едут! Кто это в наше время от выходных отказывается? Генка Метлицев вызвался даже на баяне сыграть. Вот номер!

Кто бы мог подумать, что он — на дуде игрец. А Волова ни с того ни с сего говорит Саше: “Помнишь, кино такое было: “Королевство кривых зеркал”? Давай так: я буду Оля, а ты Яло, мое отражение. А Туполев сыграет зеркало. И мы с тобой будем в нем отражаться. Эффектно, правда? Сценка для интернатских малышей!”

“Дичь какая-то. Какое отражение? — ошарашенно подумала Саша. — Мы с Воловой абсолютно разные люди. А вообще... Пусть отражаются, как хотят. Главное, Васинова навестим — это все равно что гору раздвинуть, толщу одиночества — в земной коре”. Слова тогда учи”, — мрачно велела она Воловой. “Да что слова? — искренне удивилась Волова. — Скажу чего-нибудь. На сцене самое важное — прическа”.

Саша махнула на эту дурицу рукой. Пошла в библиотеку. Взяла книжку. В.Губарев — автор. В — это Виталий. Виталий — почти что Валерий. Может, Васинов тоже вырастет, преодолет свои несчастья и переплавит их в литературу, писателем станет. А кто знает, он ведь способный, сочинения вон какие писал, Серафима их вслух читала...

Утром 7-а стекался к автобусу муравейным ручейком. Кто с баяном, кто — с апельсином, с гостинчиком. А Волова — от всех отдельно — подплывала, как муравейная королева, медленно и важно. Саша вгляделась и ахнула: кос-то нет! Вместо белой гривы — сосульки какие-то. “Градуированное каре, — раздуваясь от удовольствия, объясняла Ганна направо и налево, — самый модный силуэт стрижки”. “Какая стрижка! Ты обалдела, что ли, Волова? — возмутилась Саша. — Я же твое отражение!” “А раз отражение, значит, надо соответствовать, кошечка, — усмехнулась Инка Пескарик. — У кого есть ножницы? Искусство требует жертв”.

Это было иезуитство какое-то, как в средние века. Саша закусила губу. Тогда Слонов сказал: “А давайте ее подстригу. Я маму всегда стриг”.

Все замерли. Серафима почему-то покраснела. Инка сощурила глаза до щелок. Не глаза у нее сделались, а металлические прорези в почтовом ящике.

Пожарская с Воловой надулись, как две лягушки. Их душу разъедала зависть. Зависть — настоящая ржавчина. Не успеешь ахнуть, как “в утиль” попадешь. А Гущина, та не растерялась. “Слонов, — говорит, — подстриги и меня. Я конференсье как-никак”. “А я — не профессионал, — нашелся Слонов. — Мне двоих не успеть. Работаю-то я медленно”. Гущина осталась не солоно хлебавши.

Спектакль, который они дали в интернате, и в сравнение не шел с тем действием, что происходило в автобусе по дороге. Все, вытянув шеи, смотрели на переднее сиденье, где колдовал Слонов. Саша никогда не думала, что из ее жалких хвостиков может выйти такой царственный одуванчик. “Олег, ты — настоящий талант! — с восторгом воскликнула Серафима. — Как ты это сделал? Ножницы же тупые. А ровненько до чего! — И всплеснула руками. — Сашенька, ты стала настоящей красавицей!”

Теперь Румянцевой завидовали уже не только Пожарская с Воловой, все женское население автобуса. Кроме, пожалуй, Серафимы, но та — старушка, и Алевтины — но та подруга. Алевтина взирала на эту карусель умудренным взглядом и загадочно улыбалась.

А дальше было грустно. Дальше был интернат. Он был похож на больницу и в то же время на вокзал. Холодно, неприютно, но шумно. Во всех палатах сразу же открылись настежь двери, молва разнеслась мгновенно, как новость по станции: “К Васинову приехали!”

За Сашей увязались двое малышей. Они преданно заглядывали ей в глаза и каждую минуту спрашивали: “А ты меня к себе не возьмешь? А что ты мне дашь? Дашь чего-нибудь?”

Саша протянула им свои бутерброды с сыром, и они накинулись на них, точно галчата. А Метлищев отдал свои жвачки, не пожалел. Только Гущина не расставалась с Васиновским апельсином — до самой его спальни.

Васинов сидел на кровати и смотрел в окно. За окном шел снег. “Эй, Васинов! — закричала Гущина. — Вставай! Мы к тебе приехали. Апельсин привезли”. “Валера! — участливо сказала Серафима. — Это мы”.

Васинов повернул голову, и тогда все увидели, что он плачет. Апельсин выпал из рук Гущиной и запрыгал оранжевым шариком.

Все замерли, как в Музее восковых фигур. “А пойдемте, это, порепетируем? — прорезалась вдруг Волова. — Васинов, у вас есть зал? Ты придешь на концерт?”

И, не дожидаясь ответа, все потихонечку шагнули за дверь. Почему-то на цыпочках. А Саша не могла сойти с места. Так и осталась вместе с Серафимой. Серафима погладила Васинова по голове. “Успокойся, Валера. Расскажи, как ты живешь, что читаешь, есть ли у тебя друзья”. “Меня здесь никто не слышит, — тихо произнес Васинов. — У всех голоса громкие, на семь человек рассчитаны, в палате у нас семь человек, а я так не умею, не привык. А хуже всего, что одному побыть негде, все — на людях”. “Вот горе-то”, — пробормотала Серафима. А Саша деревянным голосом выдавила из себя: “Смотри, Васинов, снег идет. Снег какой белый!”

И правда, снег падал на бесприютную грязную окраину, неправдоподобно сияющий, преображая ее на глазах, точно королевский грим. Со снегом все казалось светлее — и улица, и комната, и лица. Так они сидели, а снег все шел, а где были в это время остальные, Саша не помнит.

*Дневник.
Весна. 15 мая.*

Незаметно проклюнулась весна. Солнце теперь долго отражается в теплых лужах, пока они не успеют затянуться на ночь тонким ледком. Кажется, в воздухе пахнет лесным костром. Хочется скорее снять пальто.

Все люди катаются на велосипедах до ночи. Вчера я шла из булочной и видела Слонова. А он никого не замечал. Отец катал его на мотоцикле. Слонов держал отца за шею и, когда они заворачивали направо, поднял правую руку, как настоящий мотоциклист. Они мчались так, что от них шел ветер. И лицо у Слонова совсем не было похоже на лицо второгодника, а было счастливое-пресчастливое. Девчонки хвастаются черемухой. Они важно приносят в школу веточки: якобы мальчишки не из нашего класса привозят им из леса букеты. Но свидетелей у девчонок нет. А Ганне-Ане (все видели) Туполев подарил букет. Конечно, он ездил в лес. У него прекрасный велосипед.

И за что Воловой такое счастье! На математике я взглянула на нее и тихонечко вздохнула.

А сегодня-то! Вот это да! Слонов притащил откуда-то охажку черемухи. Мне притащил!!! Он воткнул веточки в парту и провозгласил: “Моська, у нас сад”.

Серафима ничего не сказала. Девчонки не сводили с нашей парты глаз и шептались.

А Эллочка... Гадина она — сразу улыбочки. “Что за заросли?” — спрашивает.

Вызывает Слонова к доске и ехидничает: “Давай, давай, Слонов. Все равно не решишь. Хотя, кто знает, может, прогулялся по лесу и мозги проветрил!”

Олег стал молча собирать все свои винтики с парты, а я — совать их ему в карман. Руки у меня тряслись, и Эллочка ядовито вставила: “Вот-вот, разве что Румянцева тебе поможет”. Я чуть не заревела.

Но Слонов задачу решил. Думаю, на нервной почве. Все-таки он очень неожиданный человек. Но его в классе сейчас уважают. Мне это почему-то очень приятно.

Когда я шла домой из школы, моя черемуха пахла на всю улицу.

*Почти лето.
Жизнь без дневника.*

Саша и не предполагала о том, что случится завтра. А назавтра в классе зашелестели списки.

Конечно, лучше бы тайно проголосовать. Как депутаты по телевизору. Но для этого пульт нужен специальный, компьютер там, ну и всякое такое. Или хотя бы ящик с прорезью. А у 7-а ничего этого не было. Времени тоже не было — решение родилось спонтанно.

На большой перемене Инке Пескарик стало скучно — все суетились, списывали друг у друга реферат по истории. Надоела же эта историчка со своей культурой. “Возрождение — это весна жизни человека...” Сдалась ей эта весна, весной приличные женщины макияж освежают, “химию” мокрую — на голову, педикюр—маникюр, а у исторички ничего такого и в проекте нет — ни “фэйса”*, ни “кейса”**. Или взять Филимонову, Майя которая, у той тем более. Филимоновна — совсем сырая, откуда только выискалась! Над ней издеваются, а она — краснеет, пережиток, а не женщина. Нормальной шляпки не имеет, ходит в малиновом берете допотопном, как пушкинская Татьяна. Да и откуда им взять шляпки — бедноте? У отца коврик в машине, у который ноги вытирают, — дорожке их зарплат, вместе взятых. Ску-у-чно... Не устроить ли каникулы для “училок”, а почему — нет: вот побегают...

И Инка, томно закатывая глаза, врестяжку проговорила: “Что за фантазия такая — реферат по истории! Все эти Рафаэли, фрески — каменный век. Да еще и первым уроком. В такую рань голову напрягать. Ой, у меня такая весенняя уста-алость. Вы как хотите, а я завтра посплю, пожалуй, часиков до 12, как белый человек. Ой, да кроме шуток, неужели завтра кто-нибудь потащится “возрождаться”?”

Стрела с ядом кураре была выпущена. Каждый предпочел назвать себя белым человеком. Тем более, не у одной Инки усталость — у них у всех усталость! 7-а дружно голосовал - против истории. А также физики. Ну, и литературы, конечно.

“Кто со всеми вместе”, — размашисто было начертано на списке, а дальше шли подписи. Подписались уже почти все. Даже Сашина подруга Алевтина. Даже культурный менеджер Гуцина. Саша растерялась.

Ей интересно было бы послушать завтра про Леонардо. Но Леонардо-то завтра, а сегодня, сейчас, Сашу насквозь простирали презрительные ухмылки: “Ишь ты, праведница. Такие всегда откальваются”.

Но больше всего она боялась, что ее станет презирать Слонов. Он-то в учебе совсем не в первых рядах. Хотя Слонов — не слабак. Нет, наверное, такого, чего бы он испугался.

Саша шумно вздохнула и расписалась: “Румянцева”. Передала список дальше.

На перемене все обступили ее парту: “Смотри-ка, и Румянцева с нами! Ну, крутизна!”

* фэйс - англ. - лицо

** кейс - англ. - портфель-дипломат

Саша почувствовала себя победительницей. На минуту. Пока в класс не вошел Слонов. “Неужели ты тоже подписалась?”

У Слонова лицо все время немножко удивленное — глаза у него слишком широко расставлены. А тут Саше показалось, у Слонова глаза вообще — разрезжаются.

На душе у Саши сделалось тускло. Словно лампочка перегорела. Но путей к отступлению уже не было. Как можно безразличнее она сказала: “А что? Я как все!” “Дура ты!” — в голосе Слонова звучало столько удивления, столько злости, что Саше показалось: сейчас он ее отлупит.

Теперь все окружили уже Слонова. И загудели: “Ну ты, Слон, и штрейкбрехер! Трус несчастный... Вот уж на кого бы не подумали!” — “Разве вы не знаете, что у Тамары Кирилловны большое сердце?” — “А у меня большие почки, больной носик, — начал дурачиться Генка Метлищев. — Мало ли что у кого болит. Может, мне скучно на ее уроках?” — “Мелкота вы все, — недоумки”, — тихо сказал Слонов. Сказал, как ударил. И вышел из класса.

Минуту стояла неловкая тишина, а потом все стали шумно осуждать Слона. И чего, правда, умничают. Если б еще отличник был, а так... И одет во все ношеное. Сэконд хэнд, одним словом... Класс разделился на два лагеря. Все — и один.

В тот день Румянцева получала тройку за тройкой. Впервые в жизни. Впервые в жизни вечером ей было не до уроков, а ночью — не до сна.

“Я со всеми — значит, права, — думала Саша. — Разве бывает в жизни так, что не правы все и прав один, ну... или два? А чего тогда все так суетятся, опускают глаза. Все тридцать четыре, когда на них в упор смотрит тридцать пятый? Как же быть? А если прийти завтра утром вместе со Слоновым? А как же подпись? Скажут — струсила. Но ведь все придумала одна Инка. Остальные просто не решаются поступить иначе. Не быть белым человеком — ого, да это же позор...”

Саша вообразила вдруг, как Тамара Кирилловна входит в класс, своей рассеянной походкой, с улыбкой на лице, под мышкой, может, у нее “Мадонна Литта”, репродукция, или “Джоконда”. Тамара Кирилловна порывается встать на стул, на одно колено — от вдохновения, поднимает глаза от картин на класс, а в классе один Слонов в Торричеллиевой пустоте. Майя Филимоновна рассказывала зимой им про Торричелли. Про его опыт. Трубка, а внутри — ничего, вакуум. И Саше привиделось, что она сама — внутри этого вакуума — Саша Румянцева, отличница и слабачка. Ни ветерка кругом, ни вдоха, ни... черемухового сада.

Саша подскочила на кровати как ужаленная.

“А если у Тамары Кирилловны инфаркт будет? Или у Слонова? Болезни же из генов вылезают. У него мама от инфаркта умерла. Он же мне рассказывал, когда мы с ним класс убирали. Мне одной рассказывал, как же я забыла?” Утром, чуть свет, Саша помчалась к Олегу. Она давно знала дом, где он живет. Даже их окна, на которых не было занавесок, только пустая пачка из-под пельменей на подоконнике. “Ну, ты молоток!” — сказал Слонов. И засмеялся.

А когда он смеялся, у него глаза сближались, и холок на затылке подпрыгивал... Как у ручного медвежонка.

Сначала отправились к Алевтине. Алевтина была без очков. У нее без очков, оказывается, выражение лица совсем беспомощное. Но она все равно соображала хорошо. Она надела свои металлические очки, подумала и, как компас, выдала точное направление. Конечно, и компас, случается, зашкаливает, но сейчас он действовал безошибочно. Они побежали к Гущиной. "Гущина, — деловито проговорила Алевтина, — слабо стать диссиденткой? Или ты — серое большинство?"

Про диссидентов Гущина слышала. Сахаров был диссидентом. Сначала его сослали, и в телевизоре захлопывали. Гущина запомнила: в очках такой, серьезный, старую пленку какую-то однажды прокручивали, к дате смерти, наверное. Диссиденты долго не живут. Зато теперь площадь в Питере — имени Сахарова. Целая площадь. Не слабо...

Они, значит, втроем — диссиденты, а она, Гущина, так себе, серая мышка? Ну уж нет! "Да я, если хотите знать, и кейс школьный собрала, раньше вас еще, — выдала Гущина. — И реферат первой сдула". В глазах ее читалось: "Ну что, съели?" "Мы так и думали, — сдержанно подытожила Алевтина. — Ну что, пошли?"

В этот момент Румянцева чуть было все не испортила. Хихикнула, точно икнула. Но Слонов вежливо постучал ее по спине: "Набери воздуха в легкие и досчитай до 11: способ борьбы с икотой. Старинный. Слышала о таком?"

И они рванули к Воловой. Потом к Туполеву. Ко всем, конечно, не успели. Но из тех, к кому позвонили, с ними пошло 14 человек. Четверо не открыли дверей. Одной из этой четверки была Инка.

Она стояла по ту сторону металлической двери, в дорогом пеньюаре, и смотрела в глазок. "Совки, — упрямо прошептала она, — да чтоб я их впустила, не дождетесь..."

Но отчего-то у нее защипало в носу, когда она услышала, как рассвобожденно, шумно смеются они там, по ту сторону жизни. Дверь у Пескариков была надежная. Стальная. А все равно слышно было. Лестничное веселье врбалось в тишину дорогой квартиры, как дождь в холодное озеро. Множество ног затопало вниз. "Думаете, выгадали, дурачьё! Дураки всегда в большинстве".

Инке явно отказывала логика. Но она продолжала себя успокаивать. И все равно вздрогнула, когда за одноклассниками хищно лязгнул кодовый замок в подъезде...

Но самое неожиданное ждало 7-а впереди.

В заснеженном тополиным пухом дворике у школы стояло еще человек десять во главе с Генкой Метлицевым. Они криво улыбались, смотрели в сторону и выжидали, как будут разворачиваться события. Увидев, что полкласса все-таки явилось, начали осторожно пристраиваться им в хвост. А Генка, трусливо оглядываясь, быстро достал из кармана клочки каких-то бумажек и выбросил в лужу. Это были вчерашние, теперь уже никому не нужные, списки...

А на истории было так интересно. Тамара Кирилловна принесла с собой Джоконду, репродукцию, под мышкой, в трубочке. Она здорово рассказывала:

про тайны гениев, про мистическую Мону Лизу, про то, что люди до сих пор вглядываются в ее улыбку и все вглядеться не могут, а некоторые даже от Моны Лизы — под гипнозом... А потом Тамара Кирилловна встала с одного колена, подняла глаза с картины на класс и строгим голосом поинтересовалась: "Вас, вроде бы, маловато сегодня?" "Ха! Ничего себе маловато, — нежно-снижительно подумала Румянцева. — Да, Тамара Кирилловна живет — с точки зрения чувства". Знала бы она... Может, мы сегодня ее от инфаркта спасли".

На перемене 7-а не торопились из класса. Вообще они вели себя, как какие-нибудь третьеклассники. На душе у них было легко, как в розовом детстве. И Гущина вдруг, ни с того ни с сего, предложила: "А давайте навестим опять Васипова? Чего он там, один?"

Гущина сказала это неуверенно. Она боялась, что над ней станут смеяться. Но все поступили неадекватно. Никто не обозвал ее идеалисткой. Наоборот обрадовались. А больше всех — Румянцева. Она давно хотела это предложить, еще в начале весны, но стеснялась.

В 13 лет человек часто стесняется быть хорошим. Но ему этого все равно хочется. Ведь быть хорошим — естественное человеческое желание, гораздо более естественное, чем быть плохим. Серафима как-то про такое объясняла, про Новый Завет чего-то там, жалко, слушали тогда плохо. А сейчас вот ее слова пришли всем на ум. Всем сразу. Телепатия, наверное...

А после уроков Саша с Алевтиной шли домой. Им было легко и весело. Они говорили про самые важные вещи на свете — про любовь и про самих себя. Алевтина наконец открыла Саше свою душу. Оказывается, она любила в другом городе одного мальчика, но он этого не знал. Он тоже ее любил, но она это знала. Он круглый год таскал ей помидоры — это был южный город. А теперь она уехала и написала ему письмо, а он не отвечает. "Ничего,

будем ждать письмо вместе!” — бодро сказала Саша.

Алевтина внезапно вымолвила: “Между прочим, я должна тебе сообщить, хоть ты и думаешь только о Накончине. Слонов почти всем девчонкам нравится. А ему нравишься только ты. Это ужасно заметно. Но ты, наверное, не замечала, да? Ты ведь не от мира сего”.

Саше показалось, что весь мир замер — и ветер на деревьях, и прохожие рядом, и трамвай. Она почувствовала, что задыхается. Оказывается, это она сама остановилась, да вдобавок перестала дышать. “Что с тобой?” — удивленно спросила Алевтина.

Саша, невпопад улыбаясь, лягнула: “Ой, какой ужас! Я утюг не выключила, чайник у меня на газе и вода в ванной течет. Должно быть, уже пожарных вызвали и водопроводчиков. Я побегу скорей домой”. — “Ну беги”, — с недоумением пожала плечами Алевтина.

И Саша припустила широким спортивным шагом. Песочные часы перевернулись. Мир встал с ног на голову. А может, наоборот. Вселенная сотворялась заново. Она рождалась из солнечных лучей, которые скользили сквозь грибной дождик.

Саша прибежала домой — взяла ручку и старый дневник. Неожиданно для самой себя она записала:

“Дожди на Васильевском острове”.

А дальше пошла строка за строкой.

Черемух мокрые руки

Гладят меня и ласкают.

Мы в лужи ступаем отчаянно,

Под радугой, как под мостом...

Весна почти закончилась. Но за поворотом было лето. А летом всегда начинается что-то хорошее. Даже само лето — исчисление Жизни. Которую так трудно разложить по страничкам дневника.

Рис. К.Почтенной

У пятиклассницы Наташи Терентьевой из Санкт-Петербурга - несколько поэтических тетрадей. Стихи самые разнообразные: шуточные, лирические, веселые школьные. Мы выбрали одно - осеннее, в котором с легкой грустью автор прощается с летом.

Осенний пейзаж

Деревья все надели

Мониста золотые.

Ковер из пестрых листьев

На землю тихо лег.

И только лапы ели -

Зеленые, большие -

Качает осторожно

Ленивый ветерок.

А в небе злые лица

Туч темных ветер кружит,

И окна света тают,
Уходят от земли.

И улетают птицы

В края, где нету стужи,

Печально улетают,

Теряются в дали.

Кому не бывает страшно? Страшно сдавать экзамены или взять в руки лягушку, заблудиться или впервые проехать на роликах... Но глаза у страха велики -

иногда он исчезает уже потому, что ты рассказал о нем кому-нибудь. И хорошо, что такое возможно! Поговорим?

ЧЕГО ТЫ БОИШЬСЯ?

Боюсь опоздания. Не в школу, конечно, а опоздания в каких-то делах, важных для будущего. Поэтому я стараюсь все делать вовремя или немножко заранее.

У людей разные страхи. Одни - детские - накажут за двойку или разбитую вазу, они проходят, другие преследуют всю жизнь - это страх смерти. Я считаю, что нужно радоваться жизни и не думать о смерти.

Я никогда никому не говорю о своих страхах. Чаще всего я просто уговариваю саму себя не бояться и не волноваться.

Олеся ТИМОФЕЕВА,
Красноярск

Раньше я боялась глубины, хотя плавать умела. Однажды я и моя сестра на надувном матрасе заплыли очень далеко от берега. И на глубоком месте она скинула меня, а сама отплыла. Что мне оставалось делать? Не обращая внимания на свой страх, я поплыла к ней. С тех пор не боюсь глубины, хожу в бассейн, и неплохо плаваю, и прыгаю с вышки.

Таня ФИЛИМОНОВА,
Нижний Новгород

Боюсь полтергейста. Пытаюсь себя убедить, что его не существует, но пока не получается.

Радмила КАГАРМАНОВА,
пос. Кармасан, Башкирия

Нужно всегда верить, что ты сможешь справиться со страхом.

Один раз мы с младшим братом зашли в комнату, где не было света. Он очень боялся, что откуда-нибудь появится домовый. Я стала говорить, мол, домовых не существует и это выдумки. Брат стал успокаиваться. А уж когда я рассказала смешную историю, он вообще заявил, что больше ничего не боится.

Иногда страх помогает. Например, страх проиграть помогает выиграть соревнование, а страх умереть - даже спасти свою жизнь.

Вера РЯБОВА,
Бердск

Боюсь за своих близких, как бы с ними чего плохого не случилось. Боюсь потерять лучших друзей. И бороться со своим страхом я не хочу. Ведь если я не буду всего этого бояться, то перестану дорожить дружбой, укрепленной годами, и из-за этого она может разрушиться. Если я перестану волноваться за своих родных, это будет выглядеть так, словно мне на них наплевать. А это не так!

Сейчас многих пугает будущее, неизвестность. Теперь такое время, что не знаешь, что ждет тебя завтра, и это по-настоящему страшно.

Оля ТИМОШЕНКО,
х. Журавка, Волгоградская обл.

Викторина-20

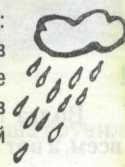
"За семью печатями"
Сентябрь 1998 г.

Считается, что о погоде говорят тогда, когда говорить больше не о чем. Но это, конечно, не так. Эта тема не случайно занимает столько места в человеческом общении. Проблемы климата - это важные проблемы всей нашей цивилизации. Сегодня, и это уже понятно, викторина посвящена погоде. Сначала надо, как всегда, ответить на вопросы и отметить нужные буквы. Затем надо понять, что изображено рядом с вопросами и расположить ответы в алфавитном порядке. Тогда из отгаданных букв получится слово - научный термин, который означает "среднее состояние атмосферы в определенном месте земной поверхности за продолжительный период". Не пугайтесь. Слово это всем известное и хорошо знакомое.

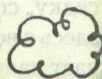
1. "Старайся наблюдать различные приметы", - советовал А.С.Пушкин. Очень красивое стихотворение нашего великого поэта, начинающееся этими словами, так и называется - "Приметы". Там он образно напоминает, что если солнце село в тучу, то очень вероятно, что завтра будет дождь. А знаете ли вы такую примету: если закат - красный, то завтра скорее всего будет В пропущенном слове подчеркните третью букву.

2. Самая высокая температура воздуха в тени была отмечена в 1922 году в ливийской пустыне на севере Африки: термометр показал плюс 57,8 градуса. Нам трудно даже представить такую жару. Впрочем, не менее трудно вообразить мороз в минус 89,2 градуса - такое чудо природы было зафиксировано советскими исследователями на станции "Восток" в Антарктиде лет пятнадцать назад. В нашей стране самые холодные районы, как известно, расположены на севере Западной Сибири. Там, в верховьях реки Яны, стоит город, который считается полюсом холода. Если не знаете, как он называется, то внимательней прочитайте предыдущую фразу - где он расположен. А когда догадаетесь, запомните в названии города последнюю букву.

3. Совокупность знаний по какой-либо теме называется наукой. Есть, конечно, наука и о погоде. Как она называется? Нужна предпоследняя буква.

4. На ближайшие лет сто привычного тепла нам хватит. Что будет дальше с погодой на планете, сказать трудно. Гораздо проще ответить на такой вопрос: какие удивительные огромные животные бродили по сибирским просторам в эпоху оледенения 10-12 тысяч лет назад? Отберите первую букву.

5. Погода - визитная карточка местности. В Оренбурге - ветрено, в Петербурге - дождливо, в Сочи - Требуется третья буква из пропущенного слова.

6. С погодных примет мы начали, ими и закончим. Если утром роса долго не высыхает, если ясно слышны далекие слабые звуки, если атмосферное давление прыгает или медленно падает, если жарко, а ветра нет, если в теплый и душный вечер небо затягивает пеленой облаков, то ночью обязательно будет Последняя буква в пропущенном слове - то, что мы ищем.

Ответы на викторину в № 7.

1. Уговор, буква - "Г". 2. Цифра 15, буква - "Н". 3. Архангельск, буква - "А". 4. Петр, буква - "Р". 5. "Ревизор", буква - "В". 6. Нумизмат, буква - "И". Ключевое слово - "ГРИВНА".

Боюсь высоты. Мое лекарство простое - подняться на 15-й этаж, выйти на балкон и часок-другой смотреть вниз и по сторонам. Немножко помогает!

Многие боятся собак - больших и зубастых. Такому человеку в критический момент полезно сказать: "Подумаешь, мелкая собачонка!" То есть юмор очень спасает.

Павел ЮДИН,
с.Красноармейское, Самарская обл.

Когда друзья испытывают страх, мне часто удается успокоить их, но как? Это получается само собой, даже ничего говорить не приходится, я только смотрю им в глаза, и их страх уходит. Об этом они говорили мне сами.

Страх - это большая тайна. Я боюсь высоты и темноты, а почему, и сама не знаю.

Аня ПАШИНА,
Чердынь, Пермская обл.

Вот видите, как получается - почти на каждый страх есть какое-то "противоядие". И даже такой серьезный страх, как страх перед будущим, неизвестностью, чуть-чуть отступает благодаря рецепту Олеси Тимофеевой - не терять времени. А это значит, учиться, размышлять над выбором профессии, приобретать разные полезные навыки и умения. В конце концов, заниматься спортом и, конечно, беречь свое здоровье. Все это в будущем ой как пригодится!

Загадочный СНИМОК

Загадочен не сам снимок, - лошадка, как лошадка, видно, что невысокая. А вот - какого она роста? В этом-то загадка. Какое животное, а может быть, птица были бы соизмеримы с лошадкой, если их поставить рядом? Полностью снимок (он из журнала "National Geographic") опубликован на странице 23.

КУДА ВПАДАЕТ РЕЧКА МОРКОВКА

Рассказ

Волга впадает в Каспийское море, это известно всем, а вот куда впадает наша речка Морковка, об этом в поселке не знает ни один житель.

— Тетя Люба, — спросил я тетю Любу, нашу соседку, согнувшуюся над свекольной грядкой, — вы здесь с войны живете. Скажите, пожалуйста, куда впадает наша речка Морковка?

— Родненький, — ответила тетя Люба, обмахиваясь пучком ботвы, — я с этим чертовым огородом и фамилию-то свою забыла. Какая уж тут Морковка!

Жара, и правда, стояла адская, словно в Африке. Дождей не было вторую неделю. Дохлые, прозрачные комары уныло пели на солнцепеке, и с треском лопались в тишине сухие стручки акации.

Тетя Люба вздохнула и выдернула из земли свеклину; над воронкой повисло облачко сухой пыли.

— Вон у Василькова спроси. Он у нас, как радио, все новости знает.

По улице с баяном под мышкой шел местный баянист Васильков.

— Васильков, — спросил я, высовываясь из-за забора. Василькову было лет двадцать, но выглядел он еще молодо. С Васильковым я был на “ты”. — Ты, говорят, как радио, все новости знаешь. А известно ли тебе, Васильков, куда впадает наша Морковка?

— Жарко, — сказал Васильков, почему-то огляделся по сторонам и очень тихо спросил: “А тебе это зачем?”

Я пожал плечами и так же тихо ответил:

— Надо.

— Вот что, Бабушкин, — он сделал задумчивое лицо, — послезавтра в клубе у нас концерт, я там матросский танец играю. — И, перехватив поудобнее инструмент, зашагал в сторону клуба.

Вопрос с Морковкой оставался открытым.

Поселок по причине жары стал мертвым и спокойным, как кладбище. Сонные, ленивые воробьи вяло копошились в пыли. Листочки на березах обвисли; от сосен жарило, как от печки. Всем хотелось дождя и тени — дереву, и человеку, и птице.

В поповском доме заскрипела калитка. На улицу вышел отец Нектарий; на нем был черный, не по жаре, пиджак и белые полотняные брюки. Волосы у батюшки на затылке были стянуты резиновым жгутиком.

— Здравствуй, отрок Евгений, — ответил он на мое хилое “здрате”.

Я не знал, прилично ли задавать батюшке мирские вопросы, но все же спросил про речку.

— На все воля Божья, — бодро ответил батюшка. —

Куда Господь нашу Морковку направил, туда она и течет. Неисповедимы пути Господни.

Тут он засуетился, полез в пиджак и начисто про меня забыл.

— Вот же мать Пелагея, чертова кочерыжка, — бормотал он, отпирая калитку, — опять из рясы папиросы не выложила.

Мишка Чуриков сидел за домом под яблоней и поливал себя из садовой лейки. Рядом, высунув слюнявый язык, мучался от жары Гуталин. Язык у Гуталина был размером с Мишкины тапочки, только выглядел поярче и поновее. Гуталин смотрел на Мишкину лейку и жалел, что у него не руки, а лапы.

— Мишка, у тебя четверка по географии, и брат у тебя курсант. Ты, случайно, не знаешь, куда впадает Морковка?

— Знаю, — ответил Мишка. — Только сейчас забыл.

— Жаль, — сказал я. — А когда вспомнишь?

— Скучный ты человек, Бабушкин. И мысли у тебя какие-то маленькие. Есть же Нил, Миссисиппи, Амазонка, в конце концов. Ну что тебе далась эта Морковка? Ее же в самом широком месте любой дурак переплывает.

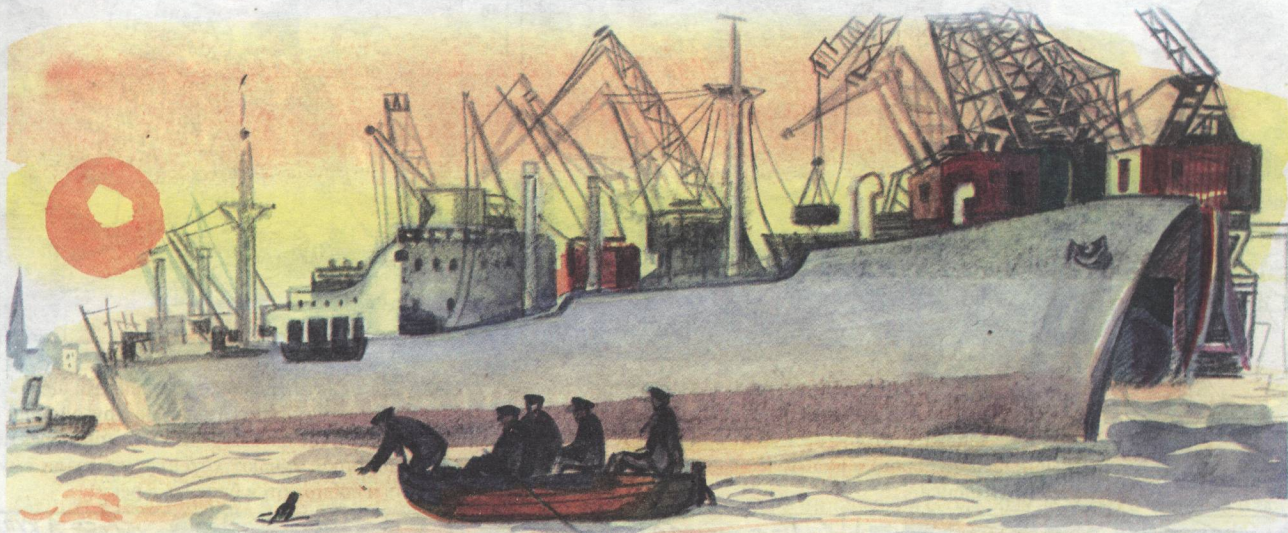
Наверное, Мишка был прав. Миссисиппи, Нил, Амазонка — действительно великие реки. Не то что наша Морковка. Но все они далеко, а Морковка — вот она, рядом; течет себе по песочку, родная, тихая, неприметная, и впадает неизвестно куда.

Я дошел до конца улицы и свернул через луг к речке. Трава на лугу была теплая и в веселых угольках клевера. На берегу в фуражке и с удочкой стоял почетный пенсионер Каляскин. Я с ним поздоровался шепотом, чтобы не распугать рыбу. Каляскин молча кивнул, нахмурился и подсек рыбу. На берегу в белый песок зарылась горлышком пустая бутылка. Он ее вытащил из петли и аккуратно сунул в корзину. Там уже были три пивные и одна лимонадная.

— Павел Иванович, — сказал я, когда он справился с делом, — вы не знаете, куда речка течет?

— Течет себе и течет, она ж речка, — ответил пенсионер Каляскин. — Эх вы, молодежь.

Солнце отражалось от бутылочного стекла, и по лицу пенсионера Каляскина бегали зеленые чертики. Пенсионеры морщились и отмахивались от них фуражкой. Бутылкам тесно было сидеть в корзине, им хотелось волны и воли — чтобы плыть, покачиваясь, по плавной речной воде, разговаривать с подлещиками и окунька-

ми и однажды увидеть за поворотом круглое золотое озеро, куда впадает речка Морковка.

Я понял, что надо делать, и вприпрыжку побежал к дому.

Здравствуйте, дорогой товарищ, выловивший мою бутылку!

Пишет вам Женя Бабушкин, ученик 5-го "б" класса. Учусь я хорошо, почти на одни четверки. Погода у нас тоже хорошая, только жарко. Меня очень интересует вопрос, куда впадает речка Морковка, протекающая через наш поселок. Я всех спрашивал, но никто не знает...

Дальше шел список тех, у кого я спрашивал: тетя Люба, баянист Васильков, который послезавтра в клубе играет матросский танец, отец Нектарий, Мишка Чуриков, который знал, но забыл, почетный пенсионер Каляскин, поймавший на удочку четыре бутылки — три пивные и одну лимонадную.

В конце я написал адрес, куда присылать ответ.

Я два раза перечитал письмо. Оно получилось вежливое, и почерк был разборчивый и красивый.

Я сделал из письма трубочку, просунул ее в пустую бутылку и запечатал бутылку пробкой.

Каляскина на берегу не было. Я походил-походил вдоль речки, высматривая его фуражку, нигде не увидел и успокоился.

Солнце тихо опускалось за лес. По воде бегали водомерки. Зигзагом просверлив воздух, пронеслась четверка стрижей. У кого-то на веранде в поселке позвякивала чайная ложечка. Дачники гоняли чай, а моя бутылка медленно плыла по течению.

Я проводил ее до первого поворота, дальше берег порос осокой и сухими стрелами камышей.

Я выдернул из травы метелку и, разгоняя комариные стаи, припустил домой.

В понедельник погода нахмурилась и полил дождь.

Так он лил с перерывами до самого сентября, и яблоки в саду все погнили, и в лесу было воды по колено, и, кроме валуев и волнушек, грибов почти никаких не было.

Прошла осень, ее сменила зима. Весна была короткой и жаркой, и в мае уже наступило лето.

Я сидел на лавочке под рябиной и читал "Двух капитанов".

— Бабушкин! — донеслось с улицы.

Я подумал, что это папу, и отвечать не стал.

— Женька! Бабушкин! Ты что там, оглох?

У ворот стоял почтальон дядя Леша и обмахивался белым конвертом.

— Пляши, — сказал дядя Леша. — Тебе письмо.

Я сплясал коротенький танец, и дядя Леша вручил мне письмо.

Спрятавшись в зеленую тень рябины, я распечатал конверт.

Вот что было в письме:

Здравствуй, Женя!

Экипаж сухогруза "Муромец" шлет тебе горячий привет. Ты пишешь, что учишься хорошо. Мы тоже работаем хорошо. К сожалению, никто из экипажа не знает, где такая речка Морковка. В нашей стране очень много маленьких и больших рек. Я сам родился на берегу реки Жженки, а ее даже не существует на карте. Бутылку с твоим письмом мы выловили случайно, на подходе к эстонскому порту Клайпеда, это в Балтийском море. Так что видишь, какое далекое путешествие она проделала. Весь наш экипаж желает тебе хорошей учебы, веселых летних каникул и крепких знаний по географии.

Капитан сухогруза "Муромец" Илья Голубцов.

Я плыл на курносом ялике по прозрачной реке.

Большие толстогубые окуни шевелили под водой плавниками и медленно уходили на глубину. На чешуе их играло солнце.

Ялик спешил вперед, держа курс на Балтийское море. В море плавали настоящие корабли, их водили настоящие капитаны, такие, как капитан Голубцов.

Потом я проснулся, открыл глаза и увидел, как из зарослей таволги торчат две лохматые головы — собачья и человечья.

— Скучный ты, Бабушкин, человек, — сказала мне голова Мишки Чурикова, — и мысли у тебя какие-то маленькие.

Головы потеснились, и между ними возникла третья — круглая и блестящая, в сетке меридианов и параллелей.

— Вот, смотри, — Мишка Чуриков колупнул пальцем глобус. — Тихий океан, видишь? Это же — о-го-го, сила! Не то что какое-то там Балтийское море. В общем, так, — он погладил макушку глобуса. — Отплываем в понедельник с утра. Продукты я беру на себя, у нас в погребе еще с полтонны прошлогодней картошки. Насчет лодки — это я тоже организую; возьмем у Витьки Лобова, напрокат. Он мне с осени за диктант должен. Ну так что, Бабушкин, возражений нет?

У меня возражений не было. Да и какие могут быть возражения, если с глобуса на тебя смотрят синие глаза океана и улыбаются пиратской улыбкой.

Рис. И. Казаковой

Серебряная коробочка

ПО МОТИВАМ БОЛГАРСКОЙ СКАЗКИ.

У одной женщины был сын-школьник. Каждое утро, когда мальчик уходил в школу, мать давала ему денежку, чтобы он купил булочку. Как-то раз мальчик шел по дороге и видит, что озорники бьют палками маленького щенка.

Вернулся мальчик домой, мать увидела щенка, нахмурилась, но ничего не сказала. На другой день она опять дала сыну денежку. Перешел мальчик через мост, видит — озорники мучают котенка: навязали ему на шею камень и собираются бросить в реку.

Мальчик отвязал камень, положил котенка в сумку, пошел в школу и опять проголодал до вечера. Вернулся он домой. Мать увидела котенка, еще пуще нахмурилась, но опять ничего не сказала сыну. И на третий день мальчик отдал свою денежку озорникам — выкинул у них лягушонка. Вечером пришел мальчик домой и пустил лягушонка в рожожку, где лежали щенок и котенок. Тут мать рассердилась не на шутку.

Побрел мальчик по большой дороге, а щенок, котенок и лягушонок за ним бегут. Подошли к большому городу. Сели переходнуть.

Встали они и опять тронулись в путь. Вошли в город. Лягушонок песни поет, а щенок с котенком в пляс пустились. Вот и вышло, как говорил лягушонок: накидали мальчику денежек полную шапку. Обрадовался мальчик.

Так они все шли да шли — из города в город, где пели и плясали, зарабатывая себе этим на хлеб. Много дней и годов миновало. Мальчик стал молодец.

Дошли они до глубокого омута. Здесь жила старая лягушка. Лягушонок все рассказал матери. В награду, как велел лягушонок, молодец попросил у лягушки серебряную коробочку.

Вслушал сын свою мать, вспомнил про лягушкину коробочку, вынул ее из кармана, открыл крышку. Потянулся из коробочки белый тонкий столбик дыма. И обернулся он вдруг великаном — величиной с гору.

Пришел молодец домой к матери с котом и собакой.

Вздумала мать его отговаривать — ведь это царская дочка! — да только сын стоит на своем. Встала мать, пошла в царский дворец.

Вслушал сын свою мать, вспомнил про лягушкину коробочку, вынул ее из кармана, открыл крышку. Потянулся из коробочки белый тонкий столбик дыма. И обернулся он вдруг великаном — величиной с гору.

«Есть юности
вечная любовь»

«Луч счастья твоего блеснет издали...»

Как понять, почему тебя сегодня любят, а завтра даже не смотрят в твою сторону? А вечный недоуменный вопрос «что он в ней нашел?» или «за что ты его так любишь?». Кто-то мучительно ищет ответы, кто-то принимает жизнь такой, какая она есть, и даже в бедах находит маленькую крупицу надежды. Среди писем о любви, которые вы присылаете в редакцию, одно - не похожее на остальные.

«Здравствуй, «Костер»! У нас в классе есть один мальчик - Витя, он вообще-то не очень дружит с девочками, в отличие от других, но когда он сел со мной за парту, то я почувствовала, что он как-то доверяет мне, что ли. Например, может рассказать о своих проблемах с родителями, он знает, что я обязательно помогу каким-либо советом - меня так воспитали, что «не будь равнодушной к другим, иначе они будут равнодушны к тебе». А один раз он сказал: «Мы тут с пацанами хотим в кино сходить, пойдешь с нами?» Я чуть не лишилась рассудка от радости. Но тут вспомнила: у меня дома братишка маленький, а мама заболела ангиной, с постели не встает. Обед, стирка - все на мне. Папа у нас работает 12 часов в сутки. В общем, я расстроилась. Сказала все Вите, а он ответил: «Ну что же, как-нибудь в другой раз». Ну, потом мы и в кино и на дискотеки ходили. А как-то он сказал мне, что я ему нравлюсь. И что другую он не полюбит. И было бы все хорошо, но он не сдержал обещания. Теперь Витя ходит с другой девочкой из параллельного класса. Она такая смазливая. Курит. Иногда даже пьет пиво. Но если она ему нравится, то пусть. Я не в обиде. Силой мил не будешь. Маша, Свердловская обл., г. Асбест».

Наверное, кто-то сейчас недоуменно похмет плечами, мол, что же в этом письме такого необыкновенного? В том-то и дело, что есть. От традиционной почты с рассказами о несчастливой любви оно отличается тихой и спокойной мудростью. Как часто в ваших письмах звучат требования вернуть любимого, объяснить, почему он не видит ваших достоинств. А сколько обидных,

горьких слов адресуется вашим соперницам и соперникам! Может быть, в отстаивании своих прав на другого человека и есть какой-то смысл. Но только если он сам дал вам такие права на себя. А ведь зачастую объекты любви даже не подозревают о той буре, которую вызвали в ваших сердцах.

Но многие ли из нас способны пожелать любимому счастья с другими, счастья - без нас?

Пожалуй, в литературе самым ярким примером такого благородного сердца служит история поэта Сирано де Бержерака, о которой написал Эдмон Ростан в одноименной героической комедии. Бесстрашный гвардеец, прекрасный поэт Сирано был безответно влюблен в свою кузину Роксану. Девушка, не подозревая о его чувствах, доверила ему свой секрет: она влюбилась в Кристиана де Невильета, ожидая, что тот так же умен, как прекрасен. И попросила Сирано о помощи. Переступив через себя, через свои чувства, Сирано помогает влюбленным обрести друг друга, Кристиан пленяет капризную красавицу великолепными стихами, которые пишет для него несчастный, бескорыстный Сирано. В одном таком стихотворении говорится:

*«Я отказался бы от всех заветных грез
О счастье собственном, с безумным наслажденьем
Я в жертву б счастье свое тебе принес,
Когда бы только знал, что мне вознагражденьем
Луч счастья твоего блеснет издали!»*

В Машинном письме есть это все - и самоотречение, и сила преодоления собственной боли, и «луч счастья» - издали. Древние утверждали, что любовь - талант, владеет которым далеко не каждый. Ты, Маша, умеющая находить грустную радость и от тени любви, обладающая способностью «жить одной ее частичей», достойна совсем другой истории. Верится - лучшее и настоящее у тебя впереди.

Н.Юрьева

Рис. О.Граблевской

Вмиг построил великан дворец высотой до небес. Делать нечего, пришлось царю выдать свою дочь за молодца.

Однажды выкрали у молодца волшебную коробочку, остался молодец без дворца и без жены, но верные друзья - кот и собака опять выручили - вернули пропажу.

И вот стали они жить да поживать: молодец с женой и матерью - во дворце, кот - на чердаке, собака - во дворе. А лягушонок каждый вечер пел им песни.

Рис. Л.Уральской

Когда Эйнштейн Альберт Эйнштейн был маленьким

Незаметный ученик и военные марши

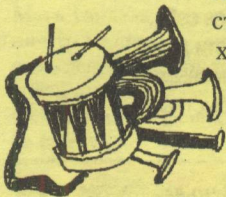
Когда великий физик Альберт Эйнштейн был маленьким, он был таким тихим и незаметным, что учителя его не запоминали.

И когда лет через двадцать к ним пришли журналы, чтобы расспросить о знаменитом физике, один из учителей сказал:

— Как же, знаю, знаю! Это тот самый ученик, которого я совсем не запомнил.

Маленький Альберт Эйнштейн родился в 1879 году в Германии. В это время в немецких городах очень любили военные марши.

Однажды папа маленького Эйнштейна, Герман Эйнштейн, тоже привел сына на площадь города Мюнхена, в котором они жили. Горожане кричали "ура", мальчишки бежали вслед за войсками, грохотала военная музыка, и чтобы человек, который стоял рядом, расслышал сказанные слова, приходилось громко кричать. Маленькому Эйнштейну не понравился этот гром и грохот, он потянул отца за руку и стал проситься домой.

Что же он любил?

А любил маленький Эйнштейн думать и удивляться. Когда ему было пять лет, он увидел настоящий компас.

— Далеко-далеко, — объяснял папа, — есть такое место, оно называется Северным полюсом. До него не добрался еще ни один человек, но стрелка в компасе знает, что это место на Земле существует, и отовсюду показывает, как к нему идти.

— Как она догадывается? — удивлялся маленький Эйнштейн. — Ее никто не учил, ей никто не подсказывал, где этот полюс, откуда же она знает?

Он часто думал про стрелку компаса и постоянно ее разглядывал. Однажды маленькому Эйнштейну попал в руки магнит. И тогда ему удалось обмануть магнитную стрелку компаса. Стоило ему подойти с магнитом поближе, как стрелка начинала метаться во все стороны, словно забывала, где Северный полюс, путалась и искала. А если он клал магнит рядом с компасом, стрелка успокаивалась, только показывала не туда, куда надо.

Получалось, что стрелка принимала магнит за Северный магнитный полюс Земли, и была уверена, что не ошиблась.

— Все в мире относительно, — сказал на этот счет папа. У папы и дяди Якоба была маленькая фабрика,

где делали электрические машины и приборы. Маленький Эйнштейн смотрел на электрический фонарь и удивлялся — почему фонарь, едва присоединяли провода, начинал ярко светиться и громко жужжать?

— Потому что по проводам идет свет, — объясняли ему.

— Как свет может идти по проводам, если провода не светятся? — удивлялся маленький Эйнштейн.

— В мире много непонятного, однако люди научились этим непонятным пользоваться, — отвечал папа.

Скрипка и Моцарт

Вечером в дом маленького Эйнштейна приходили взрослые родственники, и в подсвечниках фортепиано зажигали свечи. Мама играла красивую музыку и сама себе подпевала. Маленький Эйнштейн очень любил такие вечера, и потом еще долго музыка звучала в его душе. Но когда он сам брал в руки скрипку, у него получался такой скрип и скрежет, словно рядом ржавой пилой пилили дрова. Учитель бил его по рукам, кричал на него, громко топал, но музыка от этого становилась еще хуже.

— Ваш мальчик настоящая стопроцентная бездарь, — сказал однажды учитель родителям.

Потом учитель заболел и долго не появлялся.

Однажды вечером мама сыграла на фортепиано сонаты знаменитого Моцарта.

— Как было бы здорово исполнить нам вместе эти божественные мелодии! — сказала она сыну.

И маленький Эйнштейн тоже думал об этом. Он пошел спать, а музыка Моцарта звучала и переливалась в его голове. И тогда он раскрыл футляр, который висел на стене в углу комнаты, вынул свою скрипочку, взял ноты, подошел к окну, в которое светила большая луна, и заиграл. Неожиданно из его скрипочки полились чистые, прозрачные звуки.

Несколько вечеров маленький Эйнштейн играл в своей комнате мелодии Моцарта, и только луна освещала его.

А потом пришел новый учитель музыки.

— Ваш сын — удивительно талантливый ребенок! — сказал он родителям. — Это счастье, иметь такого ученика.

Прошло еще немного времени и однажды, когда в подсвечниках на фортепиано зажгли свечи, мама села за клавиши, маленький Эйнштейн вынул из футляра свою скрипочку и встал рядом.

— Соната Моцарта, — объявила мама гостям.

Животное по имени Икс

— В следующем году у вас начнется настоящая математика, — сказал однажды дядя Якоб, который был инженером и изобретателем.

Он положил перед маленьким Эйнштейном два учебника: один по алгебре, другой по геометрии.

— Алгебра — это веселая наука, — сказал дядя Яacob. — Когда мы не можем обнаружить животное, за которым охотимся, мы временно даем ему имя “Икс” и преследуем до тех пор, пока не засунем его в сумку. А геометрия — это собрание песен, которые можно петь одну за другой, так они сладки.

Дядя маленького Эйнштейна обожал математику. И маленький Эйнштейн во время школьных каникул решил полистать учебники. Он посмотрел, как находят “икс”, написал в тетради немного и снова решил. Тогда он взял пример потруднее. Когда нужно было гасить свет и ложиться спать, маленький Эйнштейн решал уже те примеры, которые были в конце учебника. На другой день он открыл учебник по геометрии и не мог оторваться. Он даже стал придумывать новые теоремы, которых в учебнике не было.

Когда ученики снова пришли в гимназию, Альберт Эйнштейн стал лучшим среди них математиком.

Почему Эйнштейна исключили из гимназии

Только математика в той гимназии, где учился Эйнштейн, была совсем не главным предметом. В гимназии вовсе не учили думать. А Эйнштейн хотел над каждым словом подумать. В каждой науке было столько удивительного!

— Почему, когда смотришь на небо, кажется, будто звезды мигают? — спрашивал Эйнштейн учителя.

— Вам задали урок, его и учите, а про звезды там не говорится, — отвечал учитель рассерженно.

— Почему электрический свет передается мгновенно, а звук летит долго? — спрашивал Эйнштейн самого директора гимназии.

А директор гимназии вместо ответа кричал и топал ногами, как учитель музыки, когда Эйнштейн был маленьким.

В конце концов Эйнштейна исключили из гимназии за то, что своими вопросами он разрушал у учеников чувство уважения к школе. А было ему тогда пятнадцать лет.

И в институт его тоже не приняли

Через год Эйнштейн переехал в страну гор и прозрачных озер, в Швейцарию, снял маленькую комнату в уютном домике и стал сдавать экзамены в институт. Когда он писал на доске математические формулы и рисовал чертежи, вокруг собрались несколько профессоров. В своей жизни они еще не видели таких талантливых юношей. Зато когда он сдавал другие экзамены, то ничего хорошего там не получил.

— Я очень хочу, чтобы вы стали моим студентом, господин Эйнштейн, и вы станете им, если поучитесь год в нашей гимназии, — сказал директор.

Эйнштейну очень не хотелось снова учиться в гимназии, ведь из одной его уже выгнали. Но что поделаешь — пришлось подчиниться.

Только тут оказалась совсем другая гимназия. Учителя обожали шутки и вместе с учениками увле-

ченно ставили опыты по физике и по химии. На уроках они рассказывали веселые истории про животных и вместе изучали их строение в зоологическом музее.

Когда лет через десять к ним приехали журналисты и стали спрашивать про знаменитого физика Эйнштейна, учитель химии сказал:

— Еще бы мне не помнить Эйнштейна, когда он был лучшим моим учеником!

— Нет уж, позвольте, Эйнштейн был лучшим учеником у меня! — заспорил учитель ботаники.

— Но и у меня тоже, — вставил учитель географии.

Прошло немного лет

Прошло немного лет, Эйнштейн закончил институт, и директор, выдавая диплом, с уважением пожал ему руку. Скоро Эйнштейн поселился в другом тихом швейцарском городе Берн. У него была тихая спокойная работа, добрые друзья, с которыми он любил обсуждать устройство мира. В те годы многие ученые думали, что мир уже изучен весь до конца и открывать в нем больше нечего. А Эйнштейн продолжал задумываться, и на многие вопросы так и не мог найти ответов. Особенно много для него непонятного было в электрическом токе, в самых простых частицах, атомах, из которых состояло все вокруг, и в звездах, которые подмигивали людям по ночам многие тысячи лет.

С помощью математических формул Эйнштейн постарался объяснить многие загадки Вселенной, и послал свою статью об этом в физический научный журнал. Статью молодого Эйнштейна скоро напечатали, и все физики мира сразу захотели с ним познакомиться.

Оказывается, они тоже много думали про то, о чем говорилось в статье, и Эйнштейн им все объяснил.

Скоро Эйнштейн напечатал новую статью, и о ней заговорили уже не только физики мира, но и весь научный мир. Потому что молодой, еще недавно никому не известный ученый Эйнштейн создал новую теорию, которая объясняла многие тайны самых маленьких частиц и самых громадных звезд. Эту свою теорию Эйнштейн назвал “Теорией относительности”.

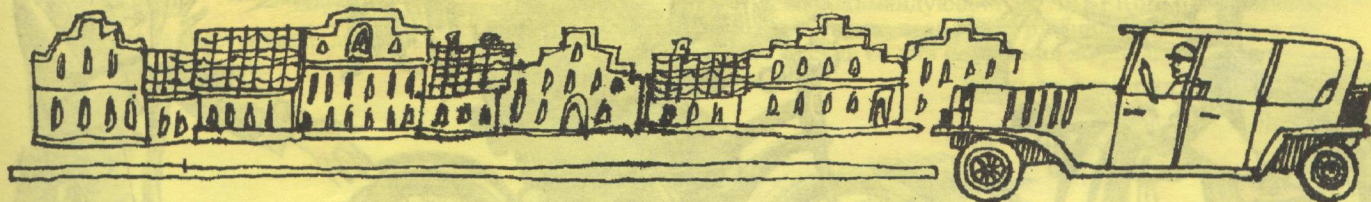
С помощью формул Эйнштейна одни ученые создавали новые науки и исследовали космос, другие — строили атомные корабли, а третьи — атомные бомбы.

— Когда-то Ньютон создал физику классическую, которую триста лет после него изучали в школах. Теперь Эйнштейн создал физику новую, — говорили ученые.

И тихого, незаметного, доброго профессора Эйнштейна назвали самым великим физиком нашего времени.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Рис. В.Иванова

«Ничего не работаю. Велосипед.»

Такую странную запись сделал Лев Николаевич Толстой в своем дневнике 4 мая 1895 года. Оказывается, он увлекся велосипедом. В то время велосипед был еще редкостью. И хотя Льву Николаевичу было уже 67 лет, он сразу же приобрел велосипед лучшей модели 1895 года - английской марки «Оригинальный Rover».

Не откладывая, Толстой решил овладеть искусством велосипедной езды. В двадцатых числах апреля он вошел в манеж, в котором обучали езде на велосипеде. На нем была черная блуза, подпоясанная ремнем, на ногах сапоги. За графа его было трудно принять. Даже просто на барина он не был похож. Поэтому вахтер бесцеремонно отправил его к смотрителю - за получением разрешения на обучение в манеже.

Смотритель сразу узнал великого писателя. Был любезен с ним. Подозвал к себе вахтера и приказал ему посадить графа на велосипед и поддерживать его, пока он будет делать первые учебные круги на манеже. Вахтер долго не понимал, о каком графе идет речь? Смотритель манежа показал ему того самого человека в рубаше, который его спрашивал несколько минут назад: «Можно здесь поучиться ездить на велосипеде?» Теперь вахтер подошел к Толстому и услужливо предложил: «Вам угодно, Ваше сиятельство, учиться на велосипеде?» - «Да, я хотел бы попробовать», - отвечал Толстой. «Извольте садиться, Ваше сиятельство». И вахтер объяснил начинающему «ученику», как надо садиться на велосипед.

«Граф привстал на подножку и опустился довольно легко и красиво для первого раза в седло». Так сообщалось в статье, напечатанной в велосипедном журнале «Циклист» за 1895 год. И дальнейшие подробности обучения графа езде на велосипеде сообщались в нескольких номерах журнала за этот год.

Все, что предлагал ему делать вахтер, «Толстой проделал с самым серьезным и даже несколько сосредоточенным видом. После первого круга, который сделал Толстой, всем наблюдателям стало ясно, что «старик» - начинающий велосипедист, скоро овладеет способностью управлять велосипедом».

И действительно, через несколько дней Толстой свободно ездил на нем. Но не обходилось и без курьезов. Вот как он сам описывает один из них. «Со мной происходит смешное явление, стоит мне представить препятствие на пути, как я ощущаю неодолимое к нему влечение. И, в конце концов, наталкиваюсь на него! Я начал учиться в манеже, в котором делаются смотри дивизиям. На другом конце манежа училась ездить толстая дама. У нее на голове шляпа с перьями. И стоит мне взглянуть, как они колышутся, я чувствую - мой велосипед неотвратимо направляется к ней. Дама издает пронзительные крики и пытается от меня ударить. Но тщетно! Если я не успеваю соскочить с велосипеда, я неизбежно на нее налетаю и опрокидываю ее! Со мной это случалось уже несколько раз. Теперь я стараюсь посещать манеж в часы, когда, я надеюсь, ее там нет».

На какое-то время горячее увлечение велосипедом отодвинуло в сторону всякую другую работу. Тогда-то и появилась запись в дневнике «Ничего не работаю. Велосипед».

С весны до глубокой осени 1895 года Лев Николаевич не расставался с велосипедом. Нередко можно было видеть, как он кружил на нем во дворе своего дома в Москве. Он с жаром предавался новому виду спорта и лихо летал на велосипеде. Л.Н.Толстой даже лишился сна от усталости при долгих поездках на велосипеде из Ясной Поляны в Тулу. В дневнике так и записано 2 сентября 1895 года: «Ездил в Тулу на велосипеде - слишком устал».

В том же 1895 году Толстой был принят в Московский кружок велосипедной езды. Ему выдали специальный значок и удостоверение. А зимой 1896 года Толстой получил от городской управы:

Билет для езды на велосипеде по улицам города Москвы № 2300. Выдан без права передачи графу Льву Николаевичу Толстому, Москва 1896 год февраль 21 дня.

В билете напечатаны «Обязательные постановления Городской Думы» о порядке езды по городу на

Л.Н.Толстой
и С.А.Толстая. 1895 г.
Ясная Поляна.

велосипеде. Интересно познакомиться с некоторыми из них. Оказывается, нельзя было ездить на велосипедах по всем центральным улицам Москвы, включая Петровку, Столешников переулок, Арбат и другие. Нельзя было ездить на велосипедах и в пасхальные дни, и в дни приезда высочайших особ в Москву. В постановлении проявлялась забота и о лошадях: "В случае беспокойства лошадей от появления едущего на велосипеде, последний обязан остановиться и сойти с велосипеда, и по возможности скрыть его от испуганной лошади". И совсем смешной тринадцатый пункт постановления: "Употребление при езде на велосипедах непривычных для публики, обращающих на себя внимание костюмов, воспрещается!"

Велосипедное увлечение Толстого прошло к весне 1896 года. В его дневнике появилась запись: "Нынче 2 мая 96 года. Ясная Поляна. Бросил ездить на велосипеде. Удивляюсь, как мог так увлекаться?" А его дочь, Татьяна Львовна, в своем дневнике 7 мая записала: "Папа совсем отказался от велосипедной езды. Я рада, что мы не будем теперь так беспокоиться, целыми вечерами ждать его в дождь, посылать за ним во все стороны".

И.МЕТТЕР

Конечно, Лев Николаевич Толстой ездил не совсем на таком велосипеде, к какому мы привыкли сегодня. Но и не на таком, каким он был раньше. А каким он был? Читайте материал на странице 22-23!

Вы уже прочитали на странице 18-19 о маленьком Альберте Эйнштейне, как он легко справлялся с задачками по алгебре и теоремами по геометрии, а еще любил играть на скрипке сочинения Моцарта. Так вот еще одна история из "Жизни замечательных детей" — о Моцарте, и не только о нем.

Что легче сочинять?

В семилетнем возрасте Моцарт выступал с концертами в Германии. После концерта к нему подошел мальчик лет четырнадцати.

— Как прекрасно ты играешь! Мне никогда так не научиться.
— Отчего же? Ты ведь совсем большой. Попробуй, а если не получится, то сначала запиши ноты.

— Да я пишу... Правда, стихи.

— Это ведь тоже очень интересно. И наверно, труднее, чем сочинять музыку?

— Отчего же? Совсем легко. Ты попробуй...

Собеседником Моцарта был юный поэт Гете.

А теперь еще одна история — о взрослом Альберте Эйнштейне.

Все равно приходите

Однажды во время прогулки Эйнштейн встретил знакомого профессора.

— Дорогой коллега, сегодня вечером непременно приходите в гости. У меня будет профессор Дэвис, а он очень интересный человек.

— Но я и есть профессор Дэвис, — ответил удивленный собеседник.

— Это не имеет никакого значения, — сказал Эйнштейн. — Все равно приходите.

Чемпионат - 98

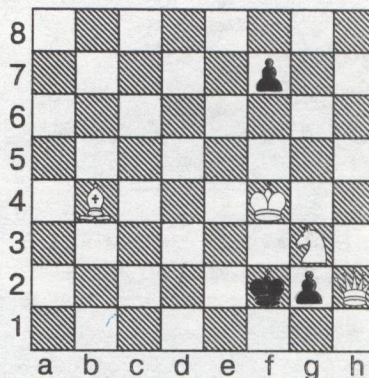
Сейчас, доблестные разведчики, вы увидите боевые задания второго финального тура. Постарайтесь одолеть их. Успеха вам!

Шахматы

А. (Л.Куббель).
Позиция на диаграмме — белые: Крf4, Фh 2, С b4, К g3; — черные: Кр f2, пп. f7, g2. Б. (Л.Куббель). Белые: Кр b7, Ле4, Л g4, п. h4; черные: Кр d6, п. h6. В. (К.Мани). Белые: Кр g3, Ф h1; черные: Кр g5, пп. f6, g4, g6. Г. (В.Зверев). Белые: Крс7, С f1, Ке3, па4; черные: Кра8, ппа5, a7, b7, e6.

Д. Белые: Кр g1, Л h3, па7; черные: Кре6, Ла5. Е. (Ф.Сааведра). Белые: Кр b6, п.с6; черные: Кра1, Лd 5.

Цель разведки: доказать, что в А можно объявить мат в 2 хода, в Б — в 3 хода, в В и в Г — в 4 хода, установить, каким должен быть результат в Д и каким в Е.

Шашки

А. (С.Мальцев). Белые: b2, d4, f4, g1, g5; черные: c3, e7, g7. Б. Белые: Д.а7, пр. b6, c1, e3; черные: Д. f6, пр. d8, g3, g7. В. Белые: c1, d2, f2, g3, h4; черные: b4, d4, d6, f6, h6. Г. Белые: a1, a3, a5, c1, e1, f2; черные: c3, c7, d4, e3, e5, e7, g7. Д. Белые: c1, e1, e3, f2, f4, g3, h6; черные: a3, b4, c5, c7, d6, e5, e7, h8. Е. (А.Терешонок). Белые: c3, c5, d4, e3, f2, g1, h4; черные: a5, d6, e7, f6, g5, g7.

Цель разведки: во всех позициях доказать, что белые в силах одержать победу.

По-свойски

— Ваше Величество! — шепчет черному Королю черный Конь. — Я по-свойски. Пешки такое болтают!.. И о ком? О Королеве! Будто заставляет вас на цыпочках ходить... И будто весь дебют от себя Слона не отпускала... Подумать только!

— Иди-ка ты от меня подальше! — бранится и мрачнеет Король. А Конь уже черную Королеву обхаживает:

— Ваше Величество, — нашептывает он ей, — разреши те по-свойски? Я о Пешках. Они, когда расходятся — такое болтают! Будто Король слишком часто в рокировках пропадает... И будто всякий раз с одной и той же Ладьей. Подумать только!

— Убирайся со своими сплетнями! — вспыхивает Королева.

Теперь всю игру Король на Королеву дуется, а она на Короля.

А Конь что? Выиграл от этого? Ровно ничего. Но расхаживает довольный: сделал дело...

А вот от этого его "дела" черные и проиграли партию.

Бюро самопроверки

Боевые задания второго тура Чемпионата решаются так.

ШХМ. А. 1.Ф h8! Б. 1.К f8! И если 1... К f4+, то 2.Кр: h6!, а если 1... К g3, (или на другое поле), то 2.Кр f7!

ШШ. А. 1.c b4! a:c3 2.c b2! c:a1 3.e f2! a: f6 4. fg 5X. Б. 1.c d4! e:c3 2.d:b4 a:c3 3.ed 2! c:e1 4.g:h4 e:g3 5.h:f6X.

Приказ № 9

Я, Главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:
1. Рапорты по второму туру финала отправить в течение месяца со дня получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рис. Ш. Ворошилова

Сядешь - и просто нажимаешь на педаль!

Всем хорошо известно выражение “изобретать велосипед”. Это значит заниматься пустым, бесполезным делом, напрасно усложнять что-то простое. А действительно, что может быть проще велосипеда? Два колеса, руль, педали. Сел - и поехал. Но кто-то все-таки додумался до этого первым!

История создания велосипеда насчитывает века (о ней много писали, в том числе и “Костер”). Еще сиракузский тиран Дионисий Младший развезжал на “гамаксионе” - четырехколесном экипаже “с мускульным приводом”. Правда, прослужил этот прообраз велосипеда недолго - дороги в ту пору были неважными, и гамаксион быстро сломался. Но на этом его история не закончилась. В 375 году до новой эры этот самодвижущийся экипаж как предмет особой ценности принесли в жертву Аполлону Дельфийскому. Прошло пятьдесят лет - и механик Деметриос Фалернский придумал конструкцию четырехколесного “мускулохода”. Так же, как и гамаксион, он двигался, используя силу человека.

Интересно, что чертежей и разработок было, как правило, больше, чем самих построенных конструкций. Особого внимания здесь заслуживает схема почти современного велосипеда, нарисованная Леонардо да Винчи в одной из его многочисленных рукописей. У этого изобретения было все - два колеса, педальный привод и цепная передача. Беда в том, что записи великого художника и инженера после его смерти были рассеяны по Европе и некоторые, включая рукопись с велосипедом, нашлись только сотни лет спустя. Может быть, поэтому изобретатели продолжали придумывать велосипед. И педали на нем появились только в 1825 году, цепь - в 1865-м, шины - в 1888-м...

А до этого велосипед выглядел как четырехколесная повозка-самокат. И появлялись такие повозки в разных странах. Так, в 1649 году немецкая хроника сообщила об изобретении часовщика Г. Гантшеля. Он придумал возок, который передвигался со скоростью 2000 шагов в час, мог останавливаться по желанию и управлялся часовым механизмом. Внешне возок походил на карету - его украшала

изысканная деревянная резьба. Это изобретение очень понравилось шведскому королю, и он даже купил его для торжественных выездов.

Нюрнбергский часовщик Стефан Фалер не мог ходить. И придумал для себя повозку. Но уже на трех колесах. Переднее колесо он снабдил внутренним зацеплением. И крутил две ручки по обе стороны от переднего колеса (ну чем не педали?), приводя свою повозку в движение.

Если за границей велосипеды изобретали в основном часовщики, то в России интерес к подобным конструкциям проявляли простые крестьяне. В 1752 крепостной Казанской губернии Леонтий Шамшуренков, придумавший когда-то механизм для подъема Царь-колокола, сделал свое второе крупное изобретение. Он придумал “самобеглую коляску”, о чем и уведомил сенат. Сенат рекомендовал поспешить с доводкой конструкции, и весной того же года шестидесятилетний изобретатель прибыл в Петербург на своем изобретении. От проекта до постройки “нового изобретения” прошло всего... три месяца! Вот как писали о коляске в те времена: “...действует она под закрытыми людьми, двумя человеками”. Что было дальше с этим изобретением - неизвестно.

Знаменитый русский механик Иван Кулибин в 1781 году создал два самоходных экипажа - трехколесный и четырехколесный. Их чертежи были утрачены, сохранилось только описание: “... слуга становился на запятки в приделанные туфли, подымал и опускал ноги попеременно, без всякого усилия, и одноколка катилась довольно быстро”. Как водится, машины приобрела царская семья, и внуки Екатерины II - будущий император Александр и его брат Константин - с удовольствием катались на одной из них.

Но самым неожиданным решением в велосипедной истории были два колеса, поставленные друг за другом. С боков конструкцию тоже ничего не поддерживало. Когда и кто додумался до этого первым - никто не знает. Хотя ученые утверждают, что подобное изображение встречалось еще на древних фресках.

Первые конкретные сведения об

изготовлении двухколесного велосипеда относятся к 1761 году. В Германии каретный мастер М.Кесслер построил "беговую машину". Два деревянных колеса этой машины были соединены между собой планкой. На нее садились верхом и ехали, отталкиваясь ногами от земли. А если сильно оттолкнуться и поднять потом ноги вверх, то можно было некоторое время катиться за счет разгона. Ни руля, ни педалей, ни седла у этой машины еще не было.

Во Франции в 1791 году граф де Сиврак придумал машину под названием "Селярифер". Испытания машины проходили на Елисейских полях, где граф, поднимая столбы пыли, бегал на своей конструкции по дорожкам. Дамы визжали и пугались. У графской машины не было управляемого колеса, она двигалась только по прямой и совсем не умела сворачивать. А тормозить приходилось ногами.

Строились подобные машины и в России. Мастерской уральских заводов крепостной крестьянин Артамонов в 1801 году построил двухколесный железный агрегат и снабдил машину чем-то вроде педалей. На изобретении своем он совершил первое велосипедное путешествие - от Верхотурья (под Пермью) до Петербурга. В столице на своем железном коне он раскатывал во время царской коронации, что очень понравилось царю, и Артамонов по высочайшему велению получил со всем семейством вольную. К сожалению, сведения о конструкции не сохранились.

Но на этом история велосипеда не закончилась. Желание ездить без помощи лошадей толкало изобретателей на все новые усовершенствования. И свой почти современный вид велосипед приобрел благодаря... **Но об этом - а еще о "науках", "дрезинах", "костотрясах" и "роверах" - в следующем номере журнала!**

Ответ на загадочный снимок

Вот как выглядит этот снимок полностью (см. вопрос на стр. 13). Теперь понятно насколько мала эта лошадка — ростом всего лишь с гуся!

Красивая пара, не правда ли?

Ответ на задание конкурса юных детективов в №8 "Костра" — "Магазин у озера".

Слова человека с рюкзаком вызывают сомнения. Если он ежедневно, как и эти утром, купается, то у него должно быть с собой хотя бы полотенце — не едет же он в город мокрым! Однако, при осмотре его вещей купальных принадлежностей не обнаружено.

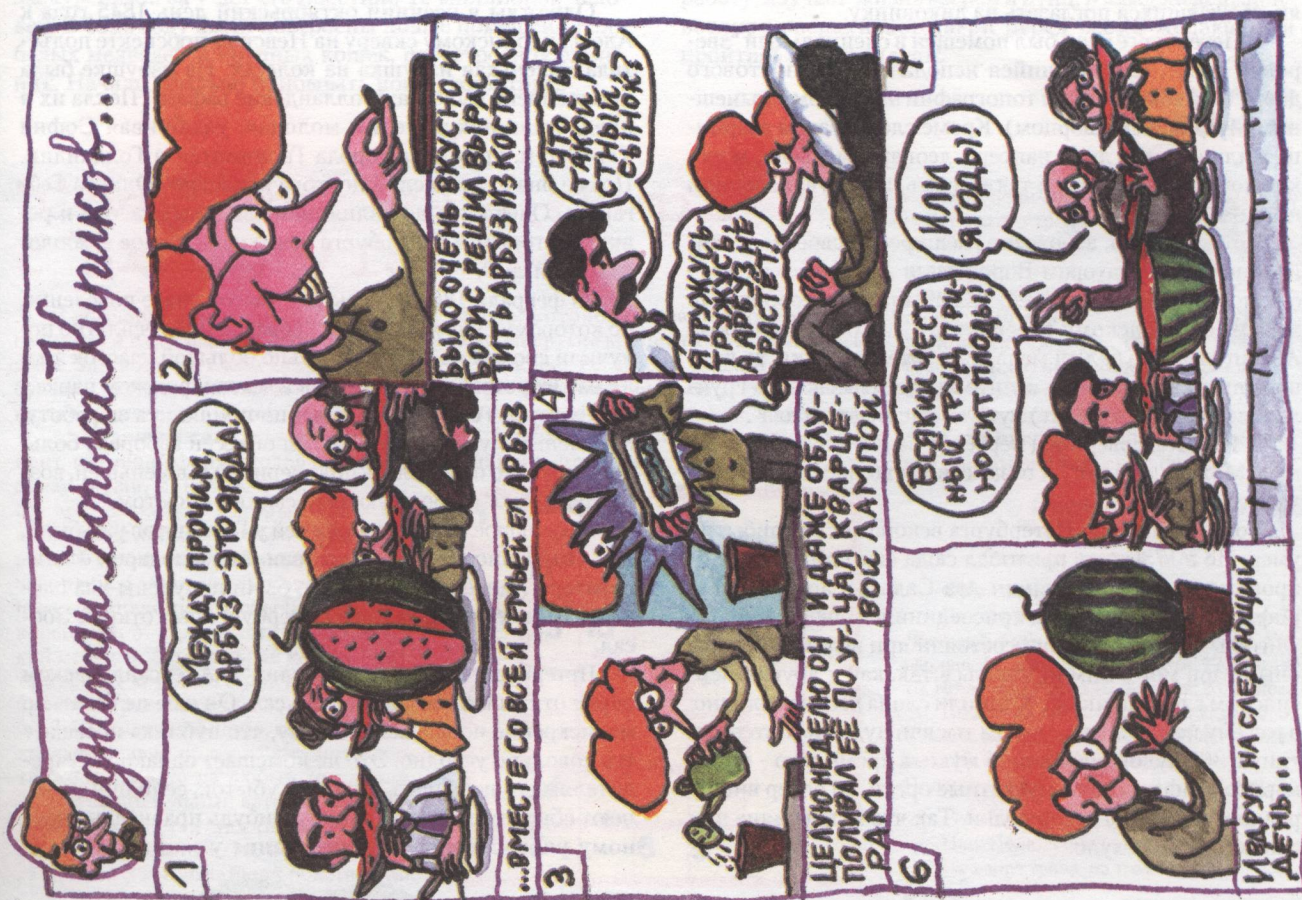
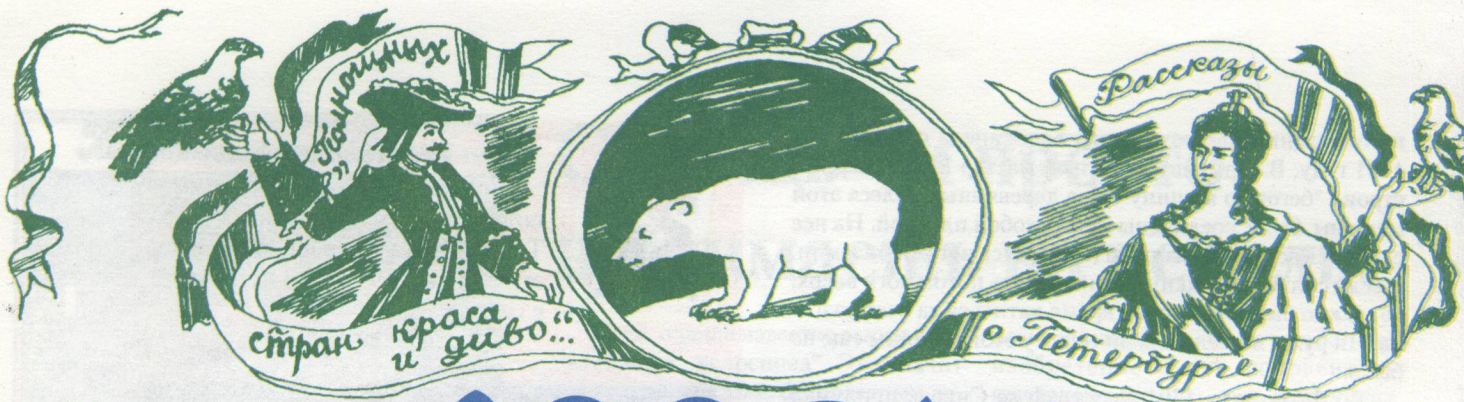

Рис. Ю. Александрова

ЗООСАД

Эмблемой петербургского зоосада является белый медведь - самый грозный и могучий хищник севера.

А день рождения одного из старейших в нашей стране зоосадов - 10 августа 1865 года. Однако зверинцы появились на берегах Невы значительно раньше. Первый из них возник еще при Петре Великом в 1713 году. Принадлежал он самому царю и располагался в деревянных домиках в Летнем саду. Жили здесь лебеди, гуси, утки, орлы, черные аисты, журавли.

Справа от главной аллеи была довольно длинная галерея, в которой помещалась голубятня. Жили в ней 16 различных видов голубей.

В том же 1713 году прибыл в Санкт-Петербург первый слон - подарок от шаха персидского. До Астрахани его доставили на судне по Каспийскому морю, далее он уже потопал сам. Чтобы зимой не поморозил он свои толстые ноги, из камыша и соломы сплели ему что-то вроде валенок, на спину слона поместился провожатый - и потянулись бесконечные степные и лесные дороги, ухоженные и топкие, болотные. Вдоль Волги шел слон, в Москве побывал. Всюду его сопровождали сотни россиян, сбегавшихся поглазеть на диковинку.

В Петербурге слон был помещен в специальный "зверовый двор", находившийся неподалеку от "почтового двора" (по современной топографии это рядом с нынешним Мраморным дворцом). Кроме слона в этом зверинце жили еще два льва, пантера, леопард, медведи, морские котики, обезьяны, а также рысь, которую изловили прямо в Летнем саду.

Петр Великий, заботясь о расширении своего зверинца, писал губернаторам Воронежа и Архангельска, требуя посылки новых зверей. "Слышали мы, - сообщал он архангелогородскому губернатору, - что есть у города Архангельского белый медведь, и ежели он жив, то пришлите его сюда, и к тому велите будущю весною на Грунландце (или где их ловят) купить еще медведя два".

В 1737 году зверинец переехал на Хамовую (нынешнюю Моховую) улицу и разместился вблизи церкви Симеона и Анны.

Тот первый слон Петербурга вскоре после прибытия умер. Но в 1736 году притапал сюда еще один слон. Сопровождали его персиянин Ага-Садык и араб Мершариф. В Петербурге к ним присоединился еще "слоновый учитель" Асатий. Все они состояли при великани, "дабы оный слон мог к ним признаться так, как к другим персидским слоновщикам". Кормили слона весьма солидно: в год ему полагалось полторы тысячи пудов сухого тростника, 365 пудов пшеничной муки, а кроме того - сахар, корица, шафран, соль, мускатные орехи, 40 ведер виноградного вина и 60 ведер водки. Так что и персияне при слонах жили не худо.

А в сентябре 1741 года от персидского шаха Надира в Петербург прибыло уже целое стадо слонов - 14 великанов!

Слоны жили отнюдь не мирно. 16 октября 1741 года Ага-Садык доносил, что утром три слона сорвались и ушли. Двоих вскоре поймали, а третий "пошел через сад и изломал деревянную изгородь и прошел на Васильевский остров, и там изломал чухонскую деревню, и только здесь был пойман".

Три года спустя "слоновый двор" был переведен с Караванной в урочище под названием "Пеньки" - на угол Невского проспекта и Лиговского канала. Тут следует сказать, что пролегающий рядом Суворовский проспект начал строиться как раз в ту пору и прозвался Слоновым.

Страсть к зверинцам Петра Великого продолжила Анна Иоанновна, которая в 1739 году издает указ "О ловле в России и Персии зверей и птиц и о присылке в зверинец".

Императрица Екатерина II страсти к зверинцам не питала.

Но пора нам рассказать и о главном петербургском зоопарке.

Однажды в осенний октябрьский день 1845 года к Александринскому скверу на Невском проспекте подъехала маленькая избушка на колесах. На избушке была прикреплена вывеска: "Голландские вафли". Пекла их и предлагала покупателям молодая, улыбчивая София Тер-Реген, уроженка города Гарнинген в Голландии. Позже она стала женой доктора зоологии Юлиуса Гебгардта. Очевидно, под влиянием своего мужа, она и решила устроить в Петербурге нечто невиданное - "зоологический сад".

25 февраля 1865 года вышло Высочайшее повеление, по которому супруги Гебгардт совершенно бесплатно получили сроком на 20 лет довольно большой участок земли на Петроградской стороне в Александровском парке.

Супруги Гебгардт немедленно принялись за работу: полученный участок земли был обнесен забором, большая часть его отводилась под зверинец, а в меньшей, возле Невы, был устроен уютный садик с буфетом.

Небольшое количество зверей у Гебгардтов уже было, кое-что выписывалось из-за границы, в подарок от императора Александра Второго были получены два слона. И 10 августа 1865 года в Петербурге был открыт Зоосад.

Петербургские газеты писали: "В Александровском парке открылся зоологический сад. Он еще не богат, но мы искренне порадовались тому, что публика посещает его довольно усердно. Это не помешает однако же учредителям его потерпеть большой убыток, если они не успеют сбыть своего сада какому-нибудь правительственному учреждению. Существование у нас такого сада

единственно с поддержкою публикой невозможно”.

Госпожа Гебгардт и впрямь надеялась получить правительственную субсидию на содержание зоосада, но надежды ее не оправдались. Дарители, правда, случались. В зоосад поступили леопард и два корейских пони от Великого князя Александра Михайловича. Принц Ольденбургский подарил ему обезьяну - гигантского мандрилла, Академия наук - скелет кита. Вообще же в зоопарке набралось около 40 видов разных животных.

Госпожа София Тер-Реген-Гебгардт-Рост скончалась в 1887 году в возрасте 74-х лет. Но зоопарк продолжал расти. В нем появились “летающие цейлонские собаки”, ленивец, морской лев, в одной клетке мирно уживались лев, медведь и собака. В 1887 году гиппопотамиха произвела на свет маленького гиппопотамчика. Но главным образом процветал ресторан “Зоология”. В нем демонстрировались то “битвы и охоты нубийцев”, то “кафры-зулусы”, “карлики из Южной Африки” или наоборот великан-китаец, великан-россиянин и тому подобное, вплоть до феерий и куплетистов.

Перемены произошли в 1918 году, когда работу в зоопарке возглавил научный совет, в который вошли видные ученые-зоологи. Ходить в зоопарк стали целыми экскурсиями, за 7 лет его посетило 10 миллионов человек. В 1928 году были построены новые помещения для белых медведей и крупных кошек, перестроен обезьянник. Начали обильно прибывать новые животные.

В 1941 году в жизнь зоопарка ворвалась война. Вместе со всем городом зоопарк пережил эти трудные годы.

Сегодня зоопарк, конечно, другой. В нем полторы тысячи животных - зверей, птиц, рептилий. Более четырехсот видов! Из них около ста - редких, исчезающих с лица планеты, занесенных в “Красную книгу”. Чтобы всех накормить, им ежедневно готовят около тридцати различных блюд, на что идет сто разных продуктов.

К сожалению, сейчас нет в зоопарке ни слона, ни бегемота, ни носорога. Слон просто умер. Бегемот переселился в Киев, а носорог - в Гродно. Но зато растет и растет семья жирафов. Редчайший случай: жирафы размножаются в неволе! Первый жирафенок родился на берегах Невы в 1959 году. Назвали его “Лотос”. А совсем недавно появился уже восемнадцатый.

Среди других редкостей в зоопарке представлена лошадь Пржевальского, орангутан, олени Давида, зебры Гриви, большая коллекция хищных птиц, среди которых полярная сова и длиннохвостая неясыть, удивляют посетителей своею красотой туканы, спуют по клеткам куницы и выдры.

Конечно, петербургскому зоопарку на его шести гектарах земли тесновато. Многие помещения для зверей давно требуют замены. Но он живет, проводит научную работу, изучает жизнь зверей и птиц, и каждый день приветливо распахивает двери перед всеми желающими пройти по его аллеям.

Вольф Сулов
Рис. В.Иванова

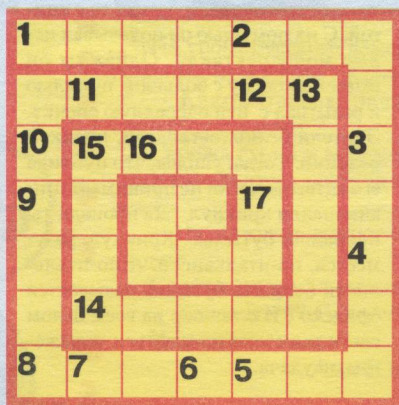

Тройной чайнворд с выкрутасами

В обычном чайнворде каждое слово начинается с последней буквы предыдущего. Здесь же все слова связаны тремя буквами. И текст отличается от общепринятого энциклопедического.

1. Ударный сигнальный инструмент, имеющий форму полой срезанной снизу груши. 2. Главный персонаж популярной сказки, который ушел ото всех, кроме лисы. 3. Большой рюмкообразный сосуд, который не годится для чаепития. 4. Обитатель морей, с которым мы знакомимся обычно только в консервах. 5. Преимущественно женский месяц. 6. Легендарный король бритов, вокруг круглого стола которого любил собираться средневековые рыцари. 7. Шахматная фигура, которая ходит исключительно по горизонталям и вертикалям, но зато на любые дистанции. 8. Сногшибательный ветер. 9. Река, которая почитается индийцами так же, как русскими Волга. 10. Гостиница для самолетов. 11. Ближайший родственник

багра, которого побаиваются моржи, киты и другие крупные обитатели морей и океанов. 12. Проживавший в Петербурге итальянский композитор, навеки прославивший Конька-Горбунка. 13. Учебное заведение, о котором двоечники и мечтать не могут. 14. Деталь, без

которой невозможно пустить стрелу из лука. 15. Традиционное имя главного персонажа русских народных сказок. 16. Очень плохой представитель древнегерманских племен. 17. Филистимлянка, которая, взявшись не за свое дело, так подстригла спящего Самсона, что он потерял всю свою силу.

Составил Н.Садовый

Ответ на задание в № 8

Фразеологический кроссворд
По горизонтали: 2. Двору. 6. Обухом. 7. Легион. 8. Губа. 9. Мороз. 11. Мухи. 13. Карандаш. 14. Местечко. 15. Умом. 17. Капля. 19. Поры. 20. Огород. 22. Карман. 23. Огнем.
По вертикали: 1. Коленкор. 2. Дном. 3. Угол. 4. Ерунда. 5. Клином. 8. Глазу. 9. Мешок. 10. Земля. 12. Искры. 16. Молоко. 18. Половина. 19. Пример. 21. Дело. 22. Корм.

Ребусы

Наш Полкан попал в капкан.
На дворе трава, на траве дрова.

Весёлый звонок

Конкурс "И все засмеялись!"

Дорогие читатели – любители юмора! Поздравляю вас с началом учебного года! И у меня к вам сразу же деловое предложение, вернее – домашнее задание. Заведите себе чистую тетрадь, а на обложке красиво напишите: "Конкурс "И все засмеялись!" И с первого же сентября записывайте туда все смешные случаи, которые произошли у вас в классе, курьезные отрывки из школьных сочинений, сногшибательные ответы у доски, остроумные высказывания своих учителей. А также не забудьте записывать то, что говорят ваши младшие братики и сестренки – ведь это же кладёзь юмора! Самые смешные ваши наблюдения присылайте нам в редакцию. Тогда вполне вероятно, что кто-то из вас станет победителем в нашем веселом конкурсе и в конце года получит приз. Желаю успеха!

Ваш учитель смеха

После ЛЕТА

После лета, после лета
Я лечу на крыльях в класс!
Снова вместе – Коля, Света,
Оля, Толя, Катя, Стас!
Сколько марок и открыток.
Бабочек, жуков, улиток.
Камни, стеклышки, ракушки.
Яйца пестрые кукушки.
– Это – ястребиный коготь.
– Вот гербарий!

– Чур, не трогать!

... Я из сумки достаю,
Что б вы думали?.. Змею!
Где теперь и шум и смех?
Словно ветром сдуло всех!

Марина Васильева

Учительница сказала:
– Ребята, сегодня мы будем писать диктант. Запишите число: "Пятнадцатое сентября". Заглавие диктанта: "Ю-ю". Пишите: "Звали ее Ю-ю. Сначала это был только пушистый комок с двумя веселыми глазами и бело-розовым носиком..."

– Маргарита Сергеевна, какое сегодня число? – раздался с последней парты сонный голос Пети. И все засмеялись!

Марина Юрченко, 4 класс,
г. Загорск

На уроке русского языка Алла Петровна вызвала Сережу и спросила:

– Какой частью речи является слово "суховатый"?

Сережа стоял и молчал.

Учительница решила помочь Сереже:

– Ну, на какой вопрос отвечает это слово?

Сережа подумал и сказал:

– Каковатый? Суховатый!

И все засмеялись!

Аня Юмалузина,
5 класс,
г. Стерлитамак

Прозвучал звонок на перемену. Наш 6-а класс был дежурным по коридору. Самым усердным дежурным был Женя. Сначала он разнял двух учеников, которые боролись на полу. Потом он остановил бегущего первоклассника и строго сказал:

– Ты что, шагом бежать не можешь?

И все засмеялись!

Лена Климова,
г. Омск

Однажды во время классного чтения у нас шел разговор о вежливости.

– Умеете ли вы себя вести в общественных местах, например, в транспорте? – спросила учительница. – Представьте себе, что вы входите в автобус. И вам нужно что-то спросить у кондуктора. Пассажиром у нас будет Коля, а кондуктором – Оксана. Пожалуйста!

Коля встал, повернулся к Оксане и сказал:

– Будьте добры, извините за беспокойство, это какая остановка?

И все засмеялись!

Света Иванченко,
Витебская обл.

“Убедил родителей купить фортепьяно!”

Стиль и направление песен Кая Метова могут кому-то нравиться, кому-то нет. Но невозможно не признать талант и профессионализм этого поэта, композитора и исполнителя, которого сегодня знают все. А ведь было время, когда продвижение по эстраде давалось Каю довольно тяжело. Музыкальный мир не терпит конкуренции и старается всячески преградить путь независимым музыкантам. Популярности можно достичь только упорным трудом. И Кай Метов - живое доказательство этому.

— Как начался твой творческий путь?

— Так получилось, что меня судьба направила в музыку еще в детстве. Когда мне было пять лет, я упросил родителей купить мне фортепьяно. Какая-то неведомая сила влекла меня к этому инструменту! Мне пригласили учителя, и закипела работа. Школьные концерты, ансамбль скрипачей, выступления на дискотеках. Однажды решил, что все это надо как-то объединить. За одну ночь записал песню “Мама, я хочу быть пионером”. Конечно, запись была далека от совершенства. Но меня и моих друзей она вдохновила своей энергией. Я понял — то, что я делаю, имеет отклик. И понял, что надо работать дальше.

— Правда ли, что популярным тебе помог стать Петербург?

— Да, я очень люблю этот город. Здесь у меня много друзей, которые мне не раз помогали. Именно в Питере мои записи впервые зазвучали на радиостанции “Модерн”, а когда слушателям запомнился мой голос, на 5-м телеканале появились видеозаписи.

— Помимо фортепьяно ты еще играешь на скрипке, да?

— Скрипка — мой любимый инструмент. С детства играл на ней. И вообще, очень люблю скрипичную музыку — дома только ее и слушаю.

— А свою?

— Никогда не слушаю. Даже свой первый альбом из домашней фонотеки потерял.

— У тебя есть вредные привычки?

— Никогда не злоупотреблял алкоголем, пристрастий к наркотикам не имею. Все это только мешает нормальной работе. Могу похвастаться тем, что сейчас я не курю. За что себя очень уважаю.

— Ты по натуре оптимист или наоборот?

— Как у любого человека, у меня бывают разные минуты в жизни. И за день настроение порой не раз меняется. Когда мне тяжело, то лучшее лекарство для меня — фортепьяно. Пятнадцать минут игры, и я в норме — у меня снова появляются жизненные силы. Так что в пять лет я был прав, убедив родителей купить мне фортепьяно!

Беседу вел Кирилл Левкин

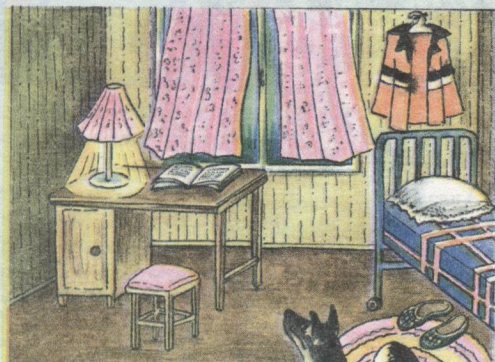
Фото А.Гнедича

1. К утру дождь кончился. На турбазу, где отдыхали в воскресные сентябрьские дни Иннокентий Спектров — наш “инспектор” — с сестрой Инной, приехала милицейская машина. Ночью было совершено ограбление склада, расположенного километрах в пяти от турбазы.

2. Приехавшие милиционеры осмотрели весь лагерь и поговорили с отдыхающими. Никто не видел посторонних, ночью все спали.

3. Рыбак охотно разрешил заглянуть милиции в свой домик, объяснив: “Вчера зачитался, не помню как уснул. Детектив больно интересный. А утром, как дождь кончился, — сразу на рыбалку”. Осмотр домика ничего не дал. Мужчина, как и все, утверждал, что никого из посторонних на турбазе не видел.

4. Неприятное происшествие, случившееся неподалеку, к турбазе, судя по всему, не имело никакого отношения.

5. Почему Иннокентий решил, что выяснено далеко не все?

За правильный ответ - 20 очков.

Ответ на задание в №8 см. на стр. 23

Рис. О.Зайцевой

Здравствуй! Сегодня мы с тобой займемся вышивкой миниатюр. Вышитая миниатюра - это вышивка небольшого размера, вставленная в рамочку как небольшая картина.

Сначала надо подобрать кусочек ткани для фона. Для этого подойдет тонкая хлопчатобумажная однотонная ткань. Теперь надо перевести на ткань рисунок. Можно использовать кальку и копировальную бумагу. Рисунок, перенятый с основного узора на кальку, накладывают на ткань, одну сторону кальки прикалывают к ней булавкой, а противоположный край приподымают и вкладывают между тканью и калькой копировальную бумагу. Лучше взять старую копирку, чтобы отпечаток не был слишком жирным и не пачкал ткань. Новый же лист копировальной бумаги предварительно следует "состарить", протерев его кусочком ваты или смятой бумаги. Затем фиксируют второй край кальки и переводят рисунок. Ткань, на которой выполняется вышивка, можно закрепить в пальцах.

В вышивках по нарисованному контуру стежки швов располагают по контуру узора или полностью заполняют узор. Мотивы узора вышивают гладью, стебельчатым швом, тамбурным швом и другими.

Стежки глади располагают в соответствии с формой деталей: в лепестках цветка - от края к центру, в листьях - к середине, в направлении жилок (рис. 1 и 2). Чтобы в цветке все стежки шли к центру, надо изменять их длину, располагая в следующем порядке: один или два длинных, один короткий и т.д. Крупные листья полностью можно не зашивать, используя так называемую "краевую гладь". Стежки разной длины направляют от края к середине. Среднюю жилку выполняют стебельчатым швом (рис.3).

Мелкие листочки вышивают косой гладью (рис.4). Траву и веточки вышивают стебельчатым или тамбурным швом. Чтобы рисунок смотрелся более четко, можно цветы и листья тоже предварительно обшить стебельчатым или тамбурным швом. Цветовое решение этих узоров, как правило, условно. Например, красные ягоды сочетаются с коричневыми листьями, синие цветы - с золотисто-желтыми листьями. Можно придерживаться природных красок. Вышивку следует выполнять в две-три нитки мулине. От пасмы отделяют (по одной) три нитки, складывают их вместе и вдевают в иглу.

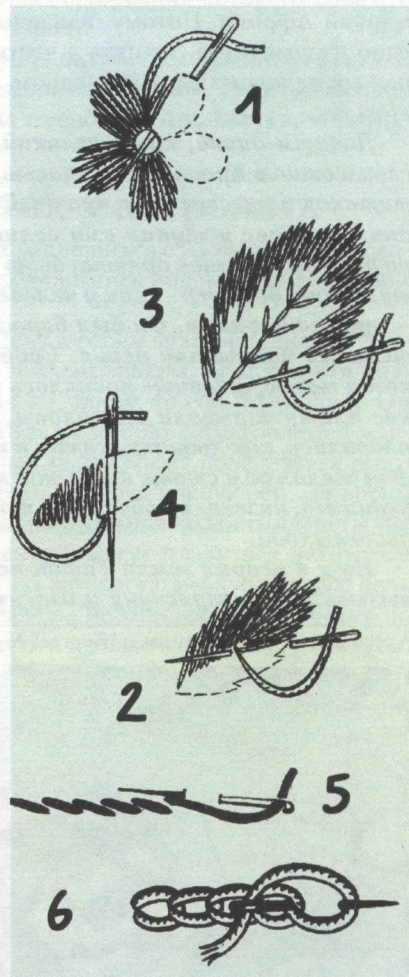
Стебельчатый шов (рис. 5). Шов представляет собой ряд косых стежков, плотно прилегающих друг к другу. Его можно выполнять слева направо и от себя. Сделав первый стежок от себя, иглу с ниткой проводят с изнаночной стороны на себя и выводят у середины предыдущего стежка слева. Нитку затягивают, укладывают по направлению к себе и прижимают к ткани большим пальцем левой руки. При втором стежке прокол в ткани делают выше первого стежка, а иглу выводят у середины второго стежка с левой стороны. Таким образом, шов выполняют движением иглы к себе, укладывая стежки движением от себя. Каждый новый стежок при этом выходит вперед на половину предыдущего.

При осуществлении стебельчатого шва рабочая нитка должна быть всегда с одной стороны - справа или слева.

Тамбурный шов (рис. 6). Шов представляет собой непрерывный ряд петель, выходящих одна из другой. Шов можно выполнять в пальцах и без них. В обоих случаях стежки делают движением иглы к себе. Если вышивать ниткой, сложенной вдвое, то петля для закрепления ее на ткани будет первой петлей тамбурного шва.

После окончания вышивки из-

делие надо выстирать в теплой воде - очень осторожно, избегая сильного трения самого узора. Изделие нельзя замачивать и кипятить. Выстиранное изделие хорошо прополоскают и отжаты в полотенце. Гла-

дать его во влажном состоянии с изнанки на мягкой подстилке.

В качестве рамки можно использовать белую непрозрачную крышку от майонезной баночки. Вырезать из белой бумаги кружок по внутреннему диаметру крышки и вырезать его. Затем этот кружок наложить на вышивку с изнаночной стороны, обвести и вырезать. На крышку наклеить клеем ПВА сначала кружок из белой бумаги, потом вышивку. Сделать петельку и повесить на стену.

Ну, как? По-моему - здорово!

Созвездие Льва*

По современным представлениям Солнце в этом месяце (а точнее: с 24 августа по 23 сентября) находится в созвездии Льва.

Древние греки хорошо знали свирепых обитателей жаркой Африки. Потому, наверное, они и назвали одно из созвездий Зодиака в честь победы Геракла над громадным львом-великаном. Рассказывали об этом так.

Давным-давно, когда великий Зевс боролся со своим отцом Кроносом за власть, он победил всех титанов и низверг их в мрачный тартар. Последним в битве уступил ему великан Тифон. Сто разноголовых голов дракона было у Тифона, часть туловища до бедер — как у человека, а вместо ног — громадные змеи. Он был бородат и волосат, а тело его покрывали перья. Содрогнулась земля, когда такое чудовище поднялось из ее недр. Жаркое пламя изрыгали его головы, и в адском огне плавилась, как льдинки, камни и целые скалы. Тифон желал сам стать владыкой мира, но Зевс победил его, низверг в подземный тартар, откуда не было выхода.

Но и в недрах земли Тифон не успокоился. Он вызывал землетрясения и извержения вулканов.

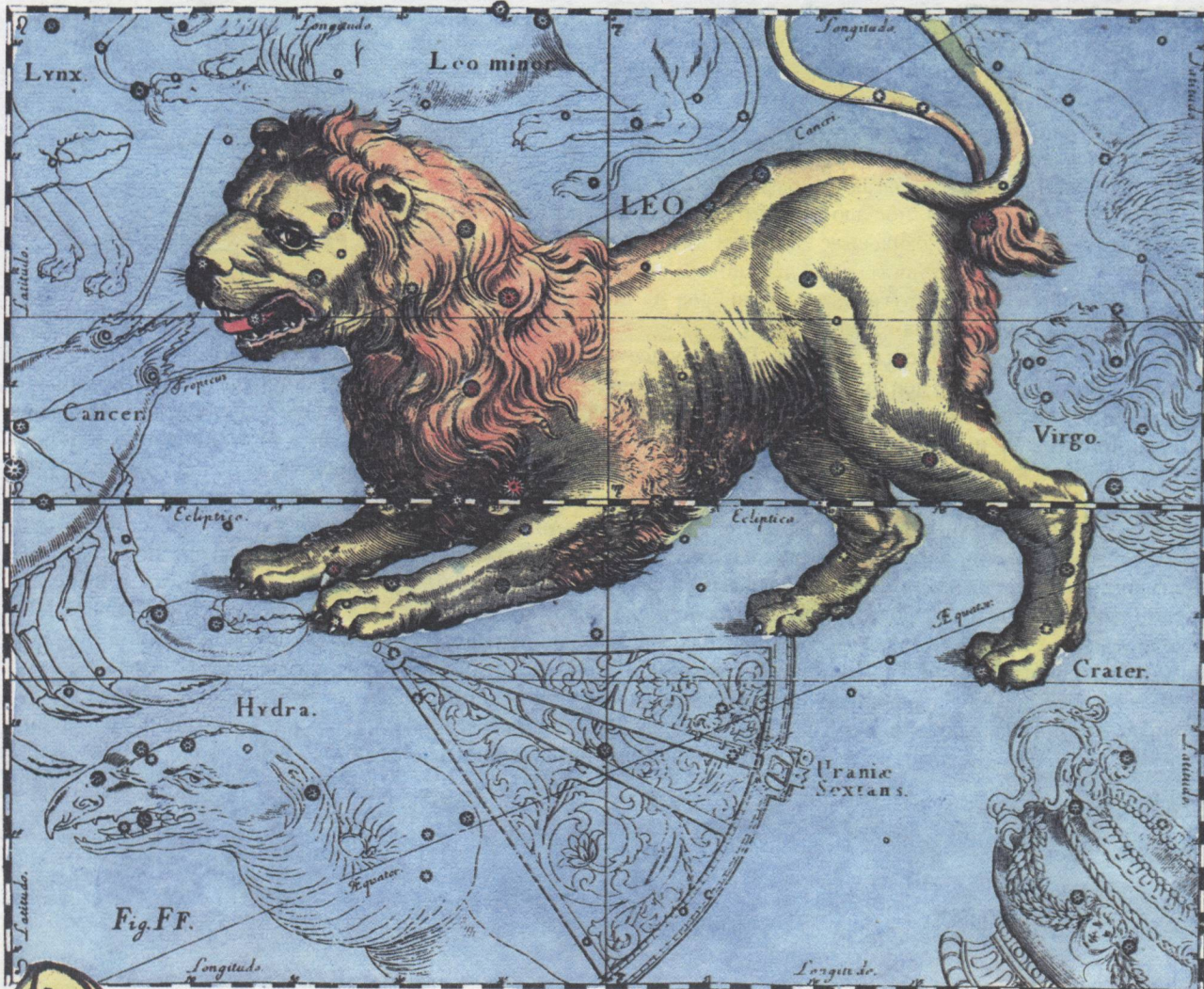
* Продолжение. Начало см. в "Костре" № 1-7 этого года.

Женившись на Ехидне, полуженищине-полужмее, Тифон произвел страшных чудовищ, в том числе адского пса Керберы, Лернейскую гидру и Немейского льва.

Злобный лев с громовым ревом рыскал неподалеку от города Немеи, опустошая окрестности и не давая людям выйти из дома. В стране начался голод и мор. Но никто из людей не осмеливался выйти против громадного хищника. И тогда царь Эврисфей поручил Гераклу убить Немейского льва.

Весь день с восхода до заката бродил герой по горам и нигде не видел даже следов льва. Но вот наступил вечер. Лев проснулся в своей пещере и издал ужасный рев, от которого задрожали скалы.

Геракл приготовил лук и стрелы и, когда зверь показался из своего логова, стал без промаха посылать одну стрелу за другой. Но, увы, все они отскакивали от толстой шкуры, как от бронзового щита. Не прошло и нескольких секунд — кинулся

Созвездие Льва из атласа XVII века.

лев на героя. Геракл бросил лук и своей тяжелой палицей оглушил зверя. После чего схватил льва за шею и задушил могучими руками.

Взвалив на плечи гигантскую тушу, Геракл отправился в Немею. Надо ли говорить, с какой радостью и ликованием встретили его жители. Герой принес жертву Зевсу и учредил в память о своем первом подвиге Немейские игры. На время этих игр по всей Греции прекращались войны, и люди наслаждались миром. Трусливый же царь Эврисфей велел сковать себе большой медный кувшин, куда спрятался от Геракла, когда тот принес ему шкуру льва в доказательство своей победы. В страхе он не пожелал не только увидеть, но даже выслушать рассказ героя о его битве. И в дальнейшем все свои приказания Эврисфей передавал Гераклу через придворных.

Зато верховный бог-громовержец Зевс, чтобы люди помнили о славном подвиге Геракла, вознес Немейского льва на небо в виде как раз того созвездия, о котором мы ведем сейчас речь...

В наших северных широтах созвездие Льва видно зимой и весной. При этом в ясную и безлунную ночь в его границах вы насчитаете около 70 звезд. Правда, все они не очень заметные. Самой яркой звездой в созвездии является α Льва — голубовато-белый гигант, диаметр которого почти втрое превышает солнечный.

Геракл душит Немейского льва.
Рисунок на вазе.

Для астрономов α Льва настоящая загадка. Это система из трех совершенно непохожих друг на друга звезд. Первый спутник — без малого двойник нашего Солнца, второй — белый карлик... Весьма странное содружество, законы образования которого пока что остаются для нас тайной.

Некогда Коперник дал звезде α Льва имя Регул. В Византии ее называли Василиском, то есть “царской звездой”, арабы же именовали Аль-Малик, что означало тоже “царь”.

В гостях у астролога

Астрологи всех родившихся с 23 августа по 22 сентября считают находящимися под покровительством знака Девы.

Они считают Деву шестым знаком Зодиака и считают изменчивым, земным знаком. Ее правящая планета — ближайшая к Солнцу, то есть Меркурий. Он очень быстро, всего за 88 земных суток, облетает жаркое светило, успевая за это время повернуться всего на одну треть своего оборота вокруг оси. За время долгого меркурианского дня поверхность планеты так раскаляется, что на ней могут плавиться некоторые металлы. Зато в столь же долгую меркурианскую ночь на поверхности планеты, не защищенной атмосферой, способны замерзнуть и превратиться в лед даже газы.

Такое противоречие, по мнению астрологов, порождает и переменчивый характер у людей, родившихся под знаком Девы. Они практичны, осторожны, обладают острым взглядом, не упускающим ничего из окружающего. Порой бывают коварны и за игрой их ума трудно уследить. Они с удовольствием отдаются работе и способны решить многие важные задачи, если... не размениваются на интриги. А такая опасность есть.

В целом же среди “Дев” немало весьма крупных исторических личностей и талантливых ученых, добившихся в жизни успеха и признания. Под знаком созвездия Девы родились: царь Иван Грозный, писатели Л.Толстой и А.Куприн, полководец М.Кутузов, художник И.Левитан, основоположник современной космонавтики Э.Циолковский, врач С.Боткин и химик А.Бутлеров.

Астрологические цвета для родившихся под знаком Девы — белый, светло-голубой и нежно-зеленый.

Счастливые числа — пятерка и все те, что на нее делятся.

Счастливые камни — изумруд, топаз и яшма.

А.Томили

Ежемесячный журнал
для школьников

“Костер”

Сентябрь, 1998

издается с июля 1936 года

Учредители: ТОО “Журнал “Костер”,

Совет СПО-ФДО,

Совет ФДО “Юная Россия”

СДО Санкт-Петербурга и области

© “Костер”, 1998

Главный редактор **О.А.Цакунов**

Редакция: Н.Ю.Жуланова, Л.М.Московский, Е.М.Пожидаева, М.В.Тахистова, Н.Б.Харлампиев (зам. главного редактора)

Адрес редакции: 193024, Санкт-Петербург, ул. Мытнинская, 1/20.

Телефон: 274-15-72

Слано в производство 10.08.98 г. Подписано в печать 25.08.98 г. Формат 60x90 1/8.

Печать офсетная. Усл.печ. л. 4. Усл.кр.-отт. 16. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 9000 экз. 3. 7791.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются, а решения по ним сообщаются

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати. Рег. № 012647.

Верстка и допечатная подготовка — Дизайн-студия “АРТОГРАФ” агентства РИАЛ.

Печать — ОАО «Иван Федоров». 191126, Санкт-Петербург, ул. Звенигородская, 11.

Рисунок на обложке К.Почтенной

ВЕСЕЛЫЙ
ЗВУЧОК

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНИЧЬИХ СОЧИНЕНИЙ

Дети Коро-
ленко жили
в подземелье.

Лошади
испуганно
зажурчали.

Ленский пригласил
Онегина
на дуэль.

У Ахиллеса на ноге
была ахиллесова
пята.

Прислали:
Женя Аникин (г. Волгоград), Катя Какрошина (г. Санкт-Петербург), Зина Комарова (Карелия), Миша Мокиенко (г. Ижевск).

70445

Анекдоты
1000 шуток
18-58

А вы слышали анекдот?..

Родителям было некогда, и на родительское собрание пошел дедушка. Пришел он в плохом настроении и сразу стал ругать внука:

- Безобразие! Оказывается, у тебя по истории сплошные двойки! У меня, например, по этому предмету были всегда пятерки!

- Конечно, - ответил внук, - в то время, когда ты учился, история была намного короче!

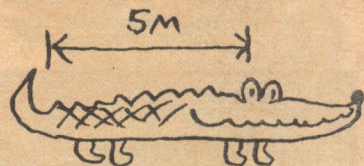

Вовочка отвечает на уроке зоологии:

- Длина крокодила от головы до хвоста - 5 метров, а от хвоста до головы - 7 метров...

- Подумай, что ты говоришь, - перебивает Вовочку учитель. - Разве так бывает?

- Бывает, - отвечает Вовочка. - Например, от понедельника до среды - два дня, а от среды до понедельника - пять!

Миллионер показывает гостю свою виллу и говорит:

- А вот здесь я собираюсь построить три бассейна: один с холодной водой, второй - с теплой водой, а третий - совсем без воды.

- Без воды? - удивляется гость. - Зачем?

- Дело в том, что некоторые мои друзья не умеют плавать...

Анекдоты вспомнили:

Инна Зарубина (г. Москва), Вася Трегубов (г. Вологда), Родион Архипов (г. Южно-Сахалинск).

Друзья! Жду
от вас новых
"старых" анекдотов!
Учитель смеха